

Помоги мне Усну́ть

Ее смерть —
в его руках

Ксения Стинг

18+

Ксения СТИНГ

Помоги мне уснуть

«Автор»

2026

Стинг К.

Помоги мне уснуть / К. Стинг — «Автор», 2026

Максим ДоринС самого детства я вижу призраков.Обычно — на кладбищах и только тех, кто стоит на пороге между этим миром и тем, куда им предстоит уйти. Мне двадцать один, и за эти годы я успел смириться с даром, который никогда не просил. Мы существовали рядом, не мешая друг другу, — пока однажды я не встретил мёртвую девушку, которая попросила о помощи.Агата Моревая умерла через неделю после своего двадцать первого дня рождения.И мне дали ровно столько же лет, чтобы узнать, кто меня убил, и обрести покой. Если я не найду правду — забуду всю свою жизнь. Есть только одна проблема: призраки не могут покидать кладбище, где покоится их тело. И я почти двадцать один год провела здесь, наблюдая, как приходят и уходят другие души, пока надежда не начала угасать.Но однажды я увидела его. Парня, который смог меня заметить.И у меня появился шанс.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	11
Глава 3.	19
Глава 4.	26
Глава 5.	32
Глава 6.	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Помоги мне уснуть

Глава 1.

Люди ходят на кладбища, чтобы навестить тех, кто давно покинул этот мир, или проводить близкого человека в последний путь. По ночам здесь пусто. Между могилами гуляет холодный ветер, из-за которого скрипят проржавевшие калитки у покосившихся оград, тишину нарушает шелест листвы и громкие голоса неспящих птиц. На рассвете это место тоже обычно безлюдно, но сегодня у ворот стоял человек. Парень.

В уши были воткнуты беспроводные наушники, из которых звучала негромкая музыка. Недолго думая, он убрал их в небольшой белый кейс и спрятал в карман легкой осенней куртки. Сентябрь в этом году выдался прохладным, временами дождливым. Влажная листва с тихим шорохом приминалась под подошвами темных кроссовок.

Парень прислушался: кладбище приветствовало его знакомыми звуками просыпающейся природы и шепотом мертвецов. Он выдохнул и переступил невидимую границу. Пахло хвоей и свежестью.

Неторопливо шагая, он пробирался между оградами и могилами, провожал взглядом выбитые на камне имена и годы жизни, мысленно считая, сколько прожил тот или иной человек. Кому-то удалось застать смену веков и даже тысячелетий, кто-то ушел лишь в начале пути. Он вглядывался в фотографии, зачем-то старался запомнить лица, словно после того, как сам покинет этот мир, у него будут знакомые на той стороне.

Мимо него прошагал человек. На нем была простая домашняя одежда, на ногах — мягкие тапочки. Волосы белые, мертвенно-бледные, практически прозрачные глаза. Призрак.

Парень не испугался: он видел подобных с самого детства. Каждый поход с родителями на кладбище когда-то заканчивался истерикой. Сначала — его собственной, потом — материнской. Она думала, что сын болен, раз видит то, чего не замечают другие. Тогда он понял, что лучше молчать, лишь со старшей сестрой пробовал говорить об этом, но та списывала все на бурное воображение.

Призрак прошел мимо, за ним появились и другие. Мужчины и женщины, иногда дети. Их было немного. Парень был знаком с некоторыми правилами, по которым существовали духи после того, как покидали тело: несколько дней, иногда недель на кладбище, невозможность оставить его, а потом, по велению кого-то свыше, за ними являлись и помогали уйти.

Об этом ему рассказал призрак старой женщины, которую он повстречал много лет назад. Ему нравилось разговаривать с мертвыми: многие с охотой тянулись к нему, изнывая от тоски по простому общению, некоторые сторонились, совсем редко попадались недовольные, способные навредить.

Он собирался заговорить с проплывающей мимо старушкой в забавной шляпке, но покой кладбища резко нарушила громкая музыка. Песня была ему хорошо знакома — *Living on a Prayer*, слишком веселая, неправильная для этого места. Любая мелодия будет откровенно неподходящей для подобного места, если только это не похоронный марш или последняя воля умершего. Похоронной процессии видно не было, на кладбище парень находился один. Он страхнулся овладевший им на мгновение шок и поспешил на звуки песни, становившейся все громче с каждым его шагом. Несколько раз он забредал в тупик: дорожки петляли криво, иногда приходилось проходить через чужие могилы, не забывая просить прощения за потревоженный покой. Наконец он увидел её. Девушку, не старше него самого.

Она с широкой улыбкой плясала на надгробии, хаотично двигая руками и ногами, не попадая в ритм быстрой мелодии, льющейся из старого магнитофона, стоящего на покосившейся скамейке. Девушка спрыгнула с надгробия на плиту, притоптала одиноко растущий цве-

ток, ловко перемахнула через ограду на соседнюю могилу и прицельным ударом ноги отправила вазочку с искусственным букетом в полет. Она пролетела несколько метров и с грохотом разбилась о ствол дерева. Стоящий в стороне призрак недовольно покосился на хулиганку, в ответ она показала ему язык и продолжила танцевать.

Её кожаная куртка была полностью расстёгнута, под ней виднелась белая майка с дырками и красными пятнами, темные джинсы тоже были рванными. Она трянула головой, длинные пепельные волосы разметались по плечам.

Песня закончилась, девушка подскочила к магнитофону, чтобы включить следующую, и заметила наблюдавшего за ней парня. Улыбка стала ещё шире, она в одно мгновение оказалась вплотную к нему и громко сказала:

— Бу! — она знала, что люди не увидят её, зато почувствуют исходящий от неё холод и запах могильной земли.

— Не страшно, — он равнодушно посмотрел в прозрачные глаза без зрачков.

Девушка отскочила назад, выключила магнитофон, продолжая безотрывно смотреть на парня.

— Ты видишь меня! — она прокричала это так громко, что у него заложило уши.

— Да. Такой я неудачник, — парень пожал плечами, собираясь уйти и найти более нормального собеседника, если любого другого призрака вообще можно так назвать.

— Стоять! — она схватила его за руку. Кожу обожгло потусторонним холодом сквозь плотную куртку и кофту. — Помоги мне!

Призрачная девушка потащила его между могил. Он едва не зацепился петлёй на поясе джинсов за острую пику оградки. Пытался сопротивляться, но ледяная хватка только усиливалась — на загорелой коже рисковали остаться синяки.

Она на ходу подхватила затихший магнитофон, прижала его к груди, как нечто ценное, продолжая вести парня вглубь кладбища. Они проходили мимо заброшенных захоронений, заросших сорняком так, что не было видно ни имён, ни годов жизни, ни фотографий. Несколько могил были свежими, не старше двух или трёх дней, — рядом с ними сидели духи. Кто-то заботливо поправлял принесённые родственниками искусственные и живые цветы, другие смотрели в пустоту прозрачными глазами.

Девушка остановилась у двух могил за общей оградой. Участок был ухоженным: высаженные цветы, чистые надгробия. Она поставила магнитофон на лавочку, дёрнула парня за рукав куртки и указала на правый гранитный памятник.

Он зацепился взглядом за чёрно-белую фотографию. Та же девушка, что сейчас стояла рядом с ним. Только волосы тёмные — не чёрные, но каштановые или тёмно-русые. Глаза светлые, вероятно голубые или зелёные. Красивая. Умершая слишком рано. Он посмотрел на выбитые в камне имя и даты.

— Морева Агата Викторовна. 24.11.1980 — 01.12.2001, — прочитал парень вслух и протянул ей свободную руку. — Дорин Максим Александрович. Могла бы просто представиться, а не тащить меня сюда.

Агату этот жест разозлил. Она раздражённо хлопнула его по ладони и уселась на собственное надгробие, загородив ногами фотографию.

— На годы жизни посмотри, малыш. Мне осталось чуть больше двух месяцев, чтобы найти его. Иначе покоя мне не видать, — буркнула мёртвая девушка.

— Кого найти? — Максим только сейчас понял, что на кладбище Агата провела практически двадцать один год. Подобных ей он раньше не встречал — призраков, задержавшихся так надолго.

Обычный вопрос окончательно вывел её из себя. Улыбка сменилась угрожающим оскалом, глаза сузились. Она приблизилась. Максим вновь ощутил холод и запах земли. Агата с

силой толкнула его в грудь. Он от неожиданности не сумел удержать равновесие и рухнул на землю — прямиком в размытую после ночного дождя грязь.

— Того, кто убил меня! — Агата прокричала эти слова прямо ему в лицо. Их носы едва не соприкоснулись. — Как же так, малыш, ты видишь нас, но совсем не знаешь правил. — Она делано взмахнула руками. — Не переживай, тётя Агата расскажет тебе неприятную правду, а потом устроит контрольную. И поверь, лучше бы тебе запоминать всё с первого раза. Понял?

Максим кивнул, продолжая сидеть. Агата нависала над ним, лишая возможности подняться.

— Меня убили, соболезнования оставь при себе. И пока я не узнаю, кто это сделал, не будет мне покоя. И знаешь, высшие силы оказались удивительно искусны в истязаниях. Они дали мне столько времени, сколько я прожила, чтобы я узнала имя моего убийцы. Такая щедрость — просто потрясающе! Только вот... — она нагнулась ещё сильнее. Максим отодвинулся, но Агата не позволила ему увеличить расстояние. Несколько долгих секунд она смотрела в его ореховые глаза, а потом проорала: — Как я могу узнать, если торчу здесь все сраные двадцать лет?! Может, ты дашь мне ответ? Ты видишь призраков, так скажи мне, что я должна сделать, чтобы уснуть и больше не просыпаться?

Не дождавшись ответа, Агата раздражённо выпрямилась и пнула очередную вазу. Осколки засыпали соседнюю могилу пожилой женщины — та давно покинула это место, а вот Агата продолжала коротать здесь свою вечность.

На них косились бродящие вокруг духи. Одних Агата игнорировала, других одаривала порцией ругательств и неприличных жестов. Максим поднялся, как смог, отряхнул штаны. Они промокли насквозь и неприятно липли к телу.

Он достал наушники из кармана, воткнул один в ухо, но музыку включать не спешил. Он смотрел на глядящую вдаль Агату — туда, где до этого стояли другие призраки, а теперь была лишь пустота. На этом кладбище они остались вдвоём.

— Распугала всех своим ором, ненормальная, — буркнул Максим.

— Кто ещё ненормальный? — огрызнулась Агата. — И не пугала я их. За ними карета изволила явиться, увезла в тёплые края. А меня тут оставила — гнить и сходить с ума.

Она повернулась к нему, оглядела внимательно и придирчиво, будто только сейчас посмотрела на него по-настоящему. Подошла ближе, потрогала наушник, ворот куртки, кофту, ремень штанов. Максиму показалось, что она и в трусы при желании залезет, но Агата остановилась на исследовании верхней одежды.

— Ничё так, — сказала она и показала большой палец. — А я два десятилетия в одном и том же хожу. Рваньё, а сменить не на что. И наушники класс, новенькие.

— Разбираешься? — хмыкнул Максим.

— Я мёртвая, а не слепая. Сюда часто приходят люди. Особо одарённые находят здесь тишину, приносят эти... — она пощёлкала пальцами. — Ноутбуки и сидят в них часами. Мол, никто им не мешает здесь. Идиоты. — Агата закатила глаза.

Она больше ничего не сказала, снова начала разглядывать опустевшее кладбище и подошла к собственной могиле. Бережно убрала прилипший к фотографии пожелтевший лист. Долго смотрела на своё улыбающееся лицо — она уже и не помнила себя живой, недлинная линия жизни скукожилась и превратилась в чернильную кляксу. А её нынешнее существование назвать жизнью язык не поворачивался. Она стала бродить вокруг двух могил.

Только сейчас Максим обратил внимание на второй памятник, на портрет и годы жизни. Морев Виктор Владимирович. 11.03.1956 — 15.08.1996.

— Это твой отец? — вопрос вырвался сам собой. У Агаты и мужчины на фотографии были похожие черты лица: одинаковые носы, острый подбородок. Только лицо Агаты было более нежным, лишённым мужской грубости.

— Да, — она неожиданно тепло улыбнулась, остановилась перед отцовской могилой, тронула пальцами холодный камень. — Он обещал всегда быть рядом, не соврал. Жаль, не могу поговорить с ним... но оно и к лучшему. Он отдыхает.

— Мне жаль, — искренне сказал Максим, понимая, что до своей смерти Агата прожила без отца пять лет.

— Ага, — Агата пожала плечами и как ни в чём не бывало опёрлась бедром на памятник. Губы вновь растянулись в широкой улыбке.

— Как ты умерла? — ещё один вопрос, который Максим не собирался задавать, но назад дороги уже не было.

Агата с интересом прищурилась, словно раздумывала над чем-то. Холодный ветер трепал её лишённые всякого цвета волосы, забирался под воротник кофты Максима и щипал кожу.

— А как ты жил? — Агата склонила голову.

— Я всё ещё жив, — нахмурился Максим.

— А я всё ещё мертва. К чему твои вопросы, малыш? — либо смерть сделала Агату слишком вредной, либо она и при жизни была невыносимой девчонкой.

Максим закатил глаза: собственная идея показалась ему донельзя глупой. Вероятно, ради спокойствия ему стоило развернуться и больше не приходить на это кладбище. Как-то же Агата просуществовала здесь двадцать лет — ещё столько же точно осилит. А что будет дальше, не должно его заботить. Но почему-то заботило.

— Я могу постараться помочь, вот к чему, — выплюнул Максим. — Но если нет, с радостью оставлю тебя чахнуть здесь. Сказал бы, что ещё увидимся на том свете, но, увы, тебе туда путь закрыт.

Он развернулся, тут же ускоряя шаг. В руках появился кейс от наушников, захотелось заглушить посторонние шорохи музыкой. Агата смотрела ему вслед — на какое-то мгновение показалось, что она позволит ему уйти и потеряет свой первый и единственный шанс.

Но она решила попытаться. Максим не успел уйти далеко: она возникла перед ним и схватила за плечи, удерживая на месте. Агата была ниже его, доставала макушкой до носа, поэтому вынужденно задирала голову, чтобы смотреть ему в глаза.

— Хорошо-хорошо, уговорил. Поплачем друг другу в плечо, расскажем грустные истории из нашей жизни. У тебя они тоже есть, я права? — она всё ещё сжимала его плечи с ощутимой силой. Он не двигался и не отвечал, ожидая, когда Агата перестанет показательно улыбаться и расскажет ему о последних минутах своей жизни.

Ему было не всё равно, потому что он чувствовал странную ответственность. Максим мог быть единственным человеком, который видит призраков и может с ними разговаривать. И если им с Агатой довелось столкнуться, это становилось похожим на проделки судьбы. А от неё всегда бесполезно бежать.

— Я слушаю тебя, — подтолкнул он её к откровениям.

— Меня... сбила машина, — легко сказала Агата. — Вот и всё.

Максим едва не взвыл от раздражения и желания придушить собеседницу. Хотя уже было поздно. Жизни в ней было ещё меньше, чем в её надгробной плите. Он потер переносицу большим и указательным пальцами.

— Водитель скрылся и его не нашли? — всё же задал он уточняющий вопрос.

— Да он и не уезжал, остался на месте, вызвал скорую. Такой заботливый. Только, понимаешь, малыш, меня кто-то толкнул. Я помню это: две руки, давящие на спину, — Агата помрачнела, прокручивая в голове последние мгновения своей недолгой жизни. — Всё выставили так, будто я сама поскользнулась и вылетела под колеса. Видишь? — она отошла от Максима и указала на свою обувь — ботинки на очень высоком каблуке. — Тогда ударили морозы, на асфальте — корка льда. Все поверили.

— Ты ходила в декабре в кожанке и на каблуках? — отвлекшись от подробностей убийства, с усмешкой спросил Максим.

— Я была бунтаркой, — Агата довольно вздёрнула подбородок.

— Я тебя понял, — Максим учился на четвёртом курсе факультета юриспруденции и имел практически профессиональный интерес к делу Агаты. — Я попробую что-то поискать. Если найду — ты узнаешь. Пока.

Вместо благодарностей Агата скорчила ему рожицу и уселась на поржавевший от влажности и времени заборчик. Она давно потеряла надежду узнать правду и отправиться на ту сторону. А сейчас появился шанс, пусть и крошечный. Прошло двадцать лет — все уже забыли о той аварии. Сколько подобных происходит каждый день? Шансы отыскать истинного виновника слишком малы.

Она поджала губы, согнула одну ногу и положила подбородок на колено. Максим неторопливо уходил, а Агата провожала его взглядом. Разговаривать с живым человеком оказалось намного приятнее, чем с призраком — совершенно иное, забытое чувство. Она хорошо помнила первые дни на кладбище. Как кричала в лицо смотрящей вниз матери, просила взглянуть на неё, отозваться, забрать домой. Даже молила о прощении, хотя никогда не считала себя виноватой в случившейся ссоре. Её никто не слышал, ей было страшно. Спустя несколько недель страх прошёл, его сменило смирение.

Мать приходила нечасто. Убирала могилу — её и отца, — что-то невнятно говорила себе под нос. Агата не вслушивалась, она почти всегда уходила, стоило матери прийти. Обида на неё после смерти стала только сильнее.

— Постой! — Агата окрикнула Максима, когда он практически добрался до широкой дороги, ведущей к выходу. Она подхватила свой магнитофон и переместилась к нему. — Возьми меня с собой. Вместе веселее!

Максим не удержался и скептически вздёрнул бровь. Ему редко бывало весело с кем-то. Возможность видеть призраков наложила на него свой отпечаток. Одиночкой он не был, но нередко предпочитал вечер наедине с собой шумной компании однокурсников. Поэтому предложение Агаты его не порадовало.

— Ладно тебе, такую рожу скорчил — любой испугается, — Агата хохотнула. Максим скривился ещё сильнее. — Держи.

Она стянула с пальца кольцо и протянула парню. Полупрозрачный тёмный металл обрёл чёткие очертания и плотность, когда украшение приземлилось на тёплую ладонь. Максим покрутил его в руках: холодное, скорее всего, недрагоценное. Он бросил на Агату вопросительный взгляд.

— Тут две девчонки ночью пытались призрака вызвать, — хихикнула Агата, уже предвкушая его реакцию. — О сериале «Сверхъестественное» слышал? Я померла до того, как он вышел. Но вот девчонки узнали оттуда, что призраки привязываются к своим вещам. Проверим?

Агата улыбнулась так широко, что тонкая бледная кожа на щеках натянулась и тёмные сосуды проступили сильнее. Максим закатил глаза и тяжело выдохнул. О сериале он слышал, смотрел все сезоны, разочаровался из-за концовки, но совершенно не видел связи между показанными в нём сущностями и теми, кого встречал в жизни.

— Может, я просто сожгу твои кости — и на этом разойдёмся? В сериале так же? — скептически спросил Максим, продолжая греть в ладони кольцо.

— Это потом, — ничуть не обиделась Агата, — если убийцу моего не найдёшь. Или я буду вечно преследовать тебя. Этого хочешь?

— Наоборот, мечтаю избавиться, — Максим хмыкнул и швырнул кольцо девушке. Она легко поймала его, даже не взглянув, и кинула обратно.

— Обойдёшься, — хохотнула Агата. — Мы повязаны, я чувствую это. Побежали: выйду с кладбища — победа. Не выйду — справишься без меня. Иначе...

Она внимательно посмотрела в его карие глаза и с убийственным выражением лица провела большим пальцем по шее, а после ткнула указательным в лицо напротив.

Не дожидаясь какого-то ответа или минимальной реакции, она схватила Максима под руку и потащила к выходу. Призраки исчезли, новые не успели появиться, но на кладбище уже стали приходить люди. Старушка несла грабли и сумку с торчащими краями сложенных пакетов. Агату она не видела, но странно шагающего Максима проводила взглядом, наполненным осуждением.

Граница приближалась неумолимо быстро. С каждым шагом Агата замедлялась, сильнее сжимала предплечье Максима. Ей было страшно. Что сейчас он выйдет, а она останется, упрётся в прозрачную стену, которая не пускала её наружу больше двадцати лет. А если получится выйти — что дальше? На что способен двадцатилетний парень против времени и закона, который однажды уже пошёл против неё? Она всё думала и думала, боролась со страхом, смотрела перед собой.

Очнулась, когда сработал сигнал снятия машины с охраны.

Агата вздрогнула, огляделась. Знакомые деревья, дорога с редкими машинами, поле на другой стороне. Только теперь она стояла ближе, а не смотрела с крайней могилы. Девичий визг эхом разнёсся по округе.

Агата запрыгала на месте, замахала руками, пробежала вдоль дороги, тронула пальцами деревья, за которыми наблюдала столько лет. А после бросилась к Максиму и сжала его в объятиях. Сил не рассчитала: рёбра недовольно затрещали, парень захрипел. Хорошо, что рядом никого не было — иначе за Максимом уже ехала бы скорая.

— Получилось! — Агата запрокинула голову и посмотрела в тёмные глаза и покрасневшее лицо. — Получилось! С чего начнём?

Глава 2.

Максим высвободил предплечье из мёртвой хватки. Агата скакала вокруг него, рассматривая такие знакомые и одновременно чужие места. Он отвёл взгляд, позволяя девушке побыть наедине со всплеском эмоций. Пальцы всё ещё сжимали кольцо, края металла впивались в кожу.

Максим, ведомый проснувшимся внутренним зовом, надел его на мизинец. Всё тело охватила судорога, он не мог пошевелиться. Перед глазами полыхнула яркая вспышка, на миг он ослеп и испугался, что больше никогда не сможет видеть. Это продлилось недолго: белая пелена сменилась картинками из жизни. Но не его — Агаты.

Они мелькали быстро, словно киноплёнку перелистывали на невероятной скорости. Детство, подростковые годы, ярко вспыхнули моменты, проведённые с отцом; потом — слёзы, крики матери, последняя прогулка и ослепляющий блеск фар.

В этот раз Максим разделил с ней её боль. Острую, охватывающую в одну секунду всё тело — а после так же быстро исчезающую. Он понял: Агата умерла сразу. Ни страданий, ни лишних сожалений об утраченной жизни.

— Малыш, — позвала его девушка. Она уже успела победить приступ накатившей радости и расслабленно расселась на капоте машины марки Ford. Единственной, стоявшей у кладбища. — Такой ты бледный... не вздумай умирать до того, как мы закончим.

— Я не бледный, — отмахнулся Максим, хотя жизнь Агаты продолжала пульсировать у него в сознании. — Ты не пробовала подкинуть кольцо кому-то?

— Алё, малыш, — Агата недобро прищурилась. — Я не тупая. Ещё бы полгода — и я бы закончила институт, — она поморщилась. — Кольцо просто пролетало сквозь чужие сумки и падало на землю. А вот ты особенным оказался, здорово же?

— Ага. Сядь в машину. Я расскажу тебе, что мы будем делать, — кивнул Максим, и Агата послушно перенеслась на пассажирское сиденье.

Максим вырулил на асфальтированную дорогу. Кладбище осталось позади, они удалялись и от шумной трассы, двигаясь в сторону небольшой деревни.

— Моя сестра — старший следователь по особо тяжким делам, — Максим уверенно вёл машину одной рукой, второй то и дело регулировал температуру. От Агаты шёл потусторонний холод, который она не контролировала. — Интернета будет недостаточно, поедem к ней.

— Она видит призраков? — Агата с интересом рассматривала внутреннее оформление машины. Встроенный экран, разнообразие функций... Она тянула руки к множеству кнопок, но тут же одёргивала себя, не рискуя нажать. В её прошлом были другие машины — эта казалась чем-то космическим, словно ещё немного, и они полетят навстречу звёздам.

— Нет, — сухо сказал Максим. — Но она выслушает меня. Вика... любит запутанные дела. Мы её заинтересуем.

— Хорошо, малыш, как скажешь. Моя смерть в твоих руках, — Агата хохотнула, считая шутки про лишение жизни актуальными во все времена. — Твоя сестра живёт в этой глуши?

Машина замедлилась, когда они въехали в первую деревню. Каменные дома стояли бок о бок с покосившимися от времени деревянными. Вдоль заборов прогуливались коты, следящие за ворчливо кудахтающими курами. На лежащих полицейских неприятно трясло, Максим бубнил себе под нос; Агата веселилась, махала людям руками, дышала на стекло и рисовала сердечки, звёзды, улыбки с глазами-точками. Девочка у выезда из деревни разревелась, когда увидела возникающие из ниоткуда рисунки на окне.

— Нет, моя сестра живёт в городе. Как и я, — ответил Максим.

— В городе... — протянула Агата, включая и выключая лампочку на потолке машины. Щёлк, щёлк, щёлк. — Тогда какого хрена мы здесь делаем?!

Она крикнула Максиму прямо в ухо. Он дёрнул руль, машина неловко качнулась в сторону и едва не зацепила передним колесом обочину. Максим выровнял её и вперил убийственный взгляд в бледное лицо.

— Проклятье, — шикнул он девушке. — Я на похороны приехал. Двоюродная тётя моей мамы умерла.

— Бывает, — пожала плечами Агата. — Её убили?

— Нет, сердечный приступ, кажется, — Максим невнимательно слушал маму, когда она сказала, что им надо ехать в другую область, чтобы проститься с женщиной, которую он видел от силы раза три в глубоком детстве и два — в осознанном возрасте. Но сопротивляться он не стал: отличный повод побывать на новом кладбище. Сейчас, сидя с надоедливym призраком Агаты Моревой, он думал, что мог бы и остаться дома. Сестра сумела отказаться, прикрывшись работой. Учёба на четвёртом курсе оправданием никогда не была.

— Понятно. Тогда делов-то? Гроб в землю, она походит между могилками пару дней, а потом — пух, и на покой, — серьёзно сказала Агата. — Давай, разворачиваемся: раньше доедем — раньше я оставлю тебя в покое. По глазам вижу, ты мечтаешь об этом.

— Я выкину кольцо, если не замолчишь, — угроза прозвучала убедительно. Агата показала язык и одарила Максима такой желанной тишиной. До нужной деревни они ехали молча, под шипящее из-за помех радио.

Их потрясло на кочках неровной просёлочной дороги. Влажная высокая трава с шорохом прошла по днищу машины, когда они припарковались у незапертой калитки. Максим заглушил двигатель, сунул ключи в карман и вышел. Агата сцепила руки на груди и решила из вредности просидеть здесь до его возвращения. Но нить, связывающая её с кольцом, натянулась: её буквально выволокло из салона, протащило по земле и притянуло к Максиму.

Она налетела на него плечом как раз в тот момент, когда он разувался перед входной дверью. Максим хрипло выдохнул, врезавшись в деревянную стену, а Агата вместо извинений выдала ироничную улыбку. Они вместе вошли внутрь — и тут же уткнулись в спину сторбленного мужчины. Максим без лишних слов протиснулся мимо.

Дом бабушки, в котором они остановились с мамой, был наполнен людьми. Все пришли попрощаться с умершей. Кто-то пойдёт на кладбище, кто-то в силу возраста останется в деревне. Максим жестом велел Агате следовать за ним.

Она с любопытством разглядывала коридор и комнаты. Здесь давно не было ремонта, и вряд ли её могло что-то удивить, кроме тонкого телевизора и кухонной техники. Но от Максима не скрылось, как Агата задержала взгляд на современном сенсорном телефоне в руках одного из пришедших.

— Потом покажу, — бросил он через плечо, надеясь, что за скорбью никто не заметит, что парень разговаривает сам с собой. — Идём.

Несмотря на слова Максима, Агата всё же отстала. Остановилась у ближайшей к лестнице комнаты, откуда тянулся приглушённый плач. Она заглянула внутрь, а Максим раздражённо замер за её спиной, делая вид, что тоже ждёт своей очереди проститься с ушедшей.

Всё происходило по старым традициям. Гроб стоял посреди комнаты на двух табуретках. В нём — старая женщина с вытянутыми вдоль тела руками. Лицо расслаблено, веки опущены, словно она просто спит. Зеркало на стене завешано, напротив открыто окно, чтобы душе было куда выйти. Максим закатил глаза и слишком громко цокнул языком, когда Агата помахала рукой стоящему в углу призраку.

Старушка, привязанная к телу, не скорбела и не рыдала. Увидев Агату, она печально улыбнулась, перевела взгляд на Максима и удивлённо вскинула брови. Разговаривать он не хотел: схватил Агату за руку и потащил за собой. Преследовать их мёртвая не стала.

Они скрылись в первой комнате на втором этаже. Здесь было свежо, удушливый аромат свечного воска остался за дверью. Максим скинул куртку, стащил кофту, оставаясь в футболке.

Агата заметила татуировку на его предплечье — стилизованный глаз с раздвоенной радужкой: одна обычная, человеческая, другая — белая, призрачная.

— В моё время говорили, что наколки только у сидевших, — хмыкнула Агата, но всё же с интересом разглядела рисунок.

— Твоё время закончилось двадцать лет назад, — парировал Максим. Он потянулся к рюкзаку, вытащил ноутбук и лёг на застеленную старым пледом кровать.

Техника с надкусанным яблоком на крышке быстро включилась, поймав раздачу интернета с телефона Максима. Агата уже поджимала его тёплый бок своим холодным и без разрешения провела пальцами по тачпаду: тот неожиданно откликнулся на мёртвые прикосновения, пусть и не так быстро, как на человеческие. Она довольно хихикнула, кликая по иконкам и нажимая на клавиши. Максим не мешал ей и искоса наблюдал за её детской реакцией. Человек всегда радуется, когда соприкасается с чем-то новым и интересным. Агата не была исключением.

Она зашла в папку с фотографиями, увидела много снимков разных могил, природы, серого в тёмную полоску кота и чёрного лабрадора.

— Насмотрелась? Можем перейти к делу? — поинтересовался Максим, когда Агата дошла до фотографий с выпускного и вручения аттестатов.

— Надеюсь увидеть тебя голым, а ты оказался таким скучным, — фыркнула девушка, из вредности нажимая на все кнопки, что попадали под пальцы.

Максим усмехнулся, в быстрой борьбе отвёл холодные руки от клавиатуры и придвинул ноутбук ближе к себе. Стены в доме были тонкими, снизу доносились рыдания и стенания. Максим поморщился, мысленно возмущаясь из-за матери, которая решила приехать, хотя и отец, и дочь её отговаривали. Он включил музыку, прибавив громкость до того максимума, при котором к ним не поднимутся злые старушки.

Агата прислушалась к современной мелодии, одобрительно качнула головой и стала выстукивать пальцами по бедру ритм.

Максим застучал по клавиатуре, вбивая нужный запрос. Благодаря учёбе на юрфаке у него были подписки на хранилища информации и новостей, да и в поисках он стал намного лучше, чем был на первом курсе.

Агата напряжённо дышала ему в ухо, пока Максим раз за разом менял запросы и базы данных, лишь бы найти хоть что-то об аварии, произошедшей двадцать лет назад. Он закрывал вкладку за вкладкой, перелистывал отсканированные статьи старых газет.

Максим тихо ругался себе под нос, Агата не пыталась сдерживать крепкие выражения. Они успели насмотреться на два десятка заметок с фотографиями разбитых машин и лицами погибших или пострадавших. В основном это были массовые аварии или те, в которых пострадали знаменитости. Ничего про столкновение с участием никому не известной девушки.

Максим вошёл в последнюю базу данных, теряя всякую веру в возможность узнать хоть что-то без помощи старшей сестры. Первые запросы снова ничего не выдали. Он делал их подробнее, добавлял больше деталей: возраст, место, точное время смерти, которое ему подсказала Агата, улицу, где её сбили.

И наконец это помогло. Попалась одна-единственная статья в газете, которая уже давно обанкротилась и прекратила издаваться.

— Там могут быть фотографии, — негромко сказал Максим. — Я могу посмотреть сам.

— Что я там не видела? — немного истерично хохотнула Агата. — Открывай уже, я не молодею.

— Ты и не стареешь, — огрызнулся Максим, нажимая на ссылку.

Статья загружалась долго — то ли скорость розданного интернета была слабой, то ли само хранилище выдавало информацию медленно. Наконец на экране появился заголовок:

«Смертельное ДТП в городе... Двухдвулетнюю девушку сбили насмерть»

Далее шёл небольшой текст с подробностями аварии, которые удалось узнать прибывшим на место журналистам.

«Около часа ночи на перекрёстке улиц Добросельской и Строителей в городе ... произошло тяжёлое дорожно-транспортное происшествие, в результате которого погибла 21-летняя жительница города — Агата Морева.

По предварительным данным ГИБДД, водитель автомобиля ВАЗ-2109, 27-летний Игорь Соловьёв, двигаясь по улице Строителей, совершил наезд на пешехода. Девушка пересекала дорогу вне зоны пешеходного перехода.

Очевидцем произошедшего стал местный житель Алексей Клименко, который возвращался домой и находился неподалёку от перекрёстка. По его словам, автомобиль двигался «ненамного быстрее, чем обычно ездят по этой дороге», а девушка «вышла на проезжую часть внезапно, из-за припаркованных машин».

«Я услышал удар, — рассказал Клименко. — Водитель сразу остановился и вызвал скорую. Девушка лежала без сознания. Всё произошло буквально за секунду».

Бригада медиков прибыла на место спустя несколько минут, однако пострадавшая скончалась на месте. Как сообщили врачи, согласно предварительным данным, в крови Агаты Моревой был обнаружен алкоголь.

Обстоятельства ДТП продолжают устанавливать сотрудники Госавтоинспекции.»

— Это неправда, — несвойственно тихо прошептала Агата, вглядываясь в предпоследний абзац статьи о своей смерти. Максим её не услышал — он уже пролистал ниже, туда, где были приложены фотографии с места ДТП. Качество улучшили как могли, но всё равно было тяжело разобрать мелкие подробности.

Машина пострадала сильно. Вмятина на капоте, разбитая фара, лобовое стекло покрыто паутиной широких и мелких трещин, расходящихся от точки удара. Максим пригляделся. Или это помехи после сканирования, или в них действительно можно было разглядеть вырванные пряди тёмных волос. Он поджал губы, глубоко вдохнул и перевёл взгляд ниже — на фотографию мёртвой Агаты.

Фотограф умудрился показать всю жестокость последствий, но закон не переступил.

Максима давно не пугала смерть. Она стала чем-то обыденным: завершением одного пути здесь и началом нового там, о котором людям знать не положено. Может, он ошибался — призраки не возвращались, никто не рассказывал, что по ту сторону: муки или блаженство, которое даже представить невозможно. Но он верил и надеялся, поэтому смерти не боялся.

Пугало другое — что происходит с телом после того, как его покидает душа. Вздutie, гниение, разложение. Кремация всегда казалась ему лучшим вариантом.

А теперь с комом в горле он смотрел на искалеченное тело сидящей рядом девушки. Нога сломана, таз вывернут, всё лицо залито кровью — не узнать. Одежда разодрана, испачкана, рядом валялся магнитофон, к которому призрак относился с таким трепетом.

Максим скосил глаза на Агату и в очередной раз поблагодарил судьбу, что не стал заваривать. Только сейчас он осознал: девушка двадцать лет ходила в той окровавленной одежде, в которой умерла. Видела это каждый день — и не могла ничего изменить.

— Это неправда! Неправда! — Агата дёрнулась, захлопнула ноутбук, едва не прищемив ему пальцы, и вскочила с кровати. — Неправда! Они солгали! Солгали!

Она кричала яростно, выплёскивая боль и все эмоции, застоявшиеся в её оголённой душе. В комнате резко похолодало. Агата злилась — и холод, окутывающий её тело, расходился по стенам. Максим выдохнул облако пара, поёжился. По плохо вымытому окну расплзались морозные узоры. Он выругался — столько лет ходил бок о бок с мёртвыми, говорил с ними, а с таким проявлением злости сталкивался впервые.

Не зная, как её остановить, он схватил Агату за плечи и встряхнул. Руки обожгло — он зашипел, пальцы покрылись ледяной коркой.

— Тише, Агата. Тише, — он говорил громко, настойчиво, заставляя её смотреть на него. — Я верю тебе. Верю, что они солгали.

— Веришь... Я... вообще не пила, понимаешь? — рыдания переходили в хрип. — Я просто убежала из дома. Была расстроена. Хотела погулять. Одна... Просто одна. Хотела побыть одна. И я одна двадцать лет...

Она неожиданно уткнулась в его грудь, смяла футболку. Холод отступил, Максим облегчённо выдохнул — он снова чувствовал пальцы, всё ещё сжимающие её плечи. Подумав, он обнял её легко, ненавязчиво — так обнимают, когда хотят поддержать или утешить.

Когда коснулся волос, воображение слишком ярко заставило его ощутить слипшиеся от крови пряди. Он не одёрнул руку, но скрипнул зубами — слишком громко, чтобы Агата не услышала этого.

Она отстранилась, сбросила с себя ненавистную куртку, принялась топтать её, но вещь выглядела неизменно: потёртая и изодранная после аварии, без новых повреждений от каблучков.

Максим смотрел на её жалкие попытки избавиться от прошлого и решил кое-что попробовать. Он не сказал ни слова и вышел из комнаты. Вернулся через пару минут со стопкой одежды в руках.

Агата оставила в покое свою куртку и с непониманием посмотрела на слегка заношенные вещи. Обычная история в деревенских домах — сюда свозили всё, что стало негодным для носки в городе. Старая одежда Максима и остальных членов его семьи тоже отправлялась сюда, хоть приезжали они в этот дом не так часто.

— Попробуй надеть, — он задумчиво почесал затылок, понимая, что его предложение легко можно посчитать глупостью. — Я ношу твоё кольцо, — для подтверждения Максим поднял руку. — Может, ты сможешь носить одежду, которую примешь из моих рук?

— Мы так мало знакомы, а ты уже хочешь раздеть меня, — Агата оскалилась и утёрла нос. — Я не стану отказывать.

Печаль по её жизни развеялась, Максим возвёл глаза к потолку, как бы спрашивая высшие силы, за что ему такое счастье? Не получив ответа, он разложил одежду и позволил Агате выбрать то, что понравится ей больше.

Выбор пал на немного потёртую на швах толстовку, удивительно хорошо сохранившиеся чёрные лосины и серые кроссовки — когда-то бывшие белыми. Кивнув, Максим подал всё Агате, остальное сложил обратно в стопку и понёс в стоящий в коридоре шкаф.

Немного подождав у двери, затем постучал и, получив позволение, вошёл. Агата радостно покрутилась на месте. Старая одежда валялась в углу. Девушка тонула в большой кофте и прятала руки в широком кармане; лосины и кроссовки подошли идеально. На вид вещи неуловимо изменились — стали будто прозрачнее, как и сама Агата, — но всё равно скрывали её тело.

— Давно хотела сменить то старьё, — она улыбнулась и кивнула в сторону бесформенной кучи одежды. — Спасибо.

— Пожалуйста. Потом выберем тебе что получше, — он усмехнулся, думая, что эти вещи ненамного новее, но говорить об этом не стал. — Похороны через несколько часов. Потом мы уедем, встретимся с сестрой. Мы найдём его, Агата.

— Или я буду преследовать тебя и твою семью до конца ваших дней, — другого Максим от Агаты и не ожидал.

— Или так, — согласился он.

Максим оставил Агату в комнате, позволив использовать ноутбук как ей захочется. Девушка не требовала общения, развалилась на кровати и принялась исследовать интернет. Получалось не очень уверенно, но училась она быстро. Максим взглянул на неё и пошёл вниз.

Его мать только вернулась, заканчивая улаживать оставшиеся дела перед похоронами. Её двоюродная тётя по имени Лидия всю жизнь прожила на севере страны. Приезжала редко, замуж не вышла, детей не родила, а год назад перебралась сюда к сестре, чтобы было не так скучно вдвоём.

Поэтому ни Максим, ни его мать и бабушка не скорбели с той силой, с какой обычно скорбят любящие родственники. Грусть за ушедшую жизнь? Разумеется. Настоящая печаль по родному человеку? Скорее нет, чем да.

Всё же Максим в знак поддержки обнял мать. На женщину с красивым именем Мария навалилось слишком много: организация, большая часть оплаты. Накоплений Лидии не хватило. Она устала, желая скорее разобраться со всем и уехать домой.

— Где ты был? — поинтересовалась Мария, размыкая затянувшиеся объятия. Ещё немного — и она рисковала уснуть, уткнувшись сыну в плечо.

— Решил прогуляться. Здесь, — Максим огляделся, — слишком много людей и шума.

— Немного сострадания не помешает, родной, — Мария не сдержала улыбки. Она часто возвращалась к тем временам, когда сын видел то, чего не замечали остальные. Они пугали её, являлись в кошмарах. Сейчас она с каждым днём дышала всё легче, надеясь, что те трудности остались позади.

Максим увидел эти тревоги в её тёмных глазах и мысленно усмехнулся. Родители легче поверят в чудесное излечение своего ребёнка, нежели в то, что он долгие годы скрывает от них страшную правду. Тосковать об этом Максим давно перестал. Отец и мать любили его, как и сестра. Их невозможность принять за истину ненормальные способности своего сына не делала их плохими. Напротив — слишком правильными, слишком обычными для такого, как он.

Пока пришедшие прощались с ушедшей, он с матерью заканчивал подготовку к скорым поминкам. Ещё со вчера кухня была в пару и жаре от излишка необходимых блюд: кутьи, щей, свежесваренного компота. В зале поставили длинный стол, которому было лет на двадцать больше, чем Максиму. За таким поместятся все желающие. Через час всё было готово.

Максим поднялся за Агатой. Она нехотя оторвалась от экрана ноутбука со второй серией недавно вышедшего сериала про вампиров из Смоленска. Когда они спустились, гроб уже успели вынести из дома, и на первом этаже вновь обосновался запах дыма от затушенных свечей.

Максим покрутил на пальце призрачное кольцо, наблюдая за духом Лидии, которая с печалью оглядывала комнаты, ставшие ей родными за прошедший год. Она не задержалась надолго, покорно последовала за удаляющимся телом, не в силах сопротивляться той нити, что связывала их сейчас.

— Счастливая, — отозвалась Агата, замершая у правого плеча Максима.

— Другие так не думают, — ответил он ей, убедившись, что рядом никого нет.

— Плевать, — Агата сморщила нос. — Уместное сейчас откровение: душе легче без тела. Поверь мне как знатоку. Тело ограничивает, привязывает к земле, а душа требует свободы, хочет полёта.

— Говоришь так, словно жизнь ничего не стоит, — Максим повернулся к ней и без страха посмотрел в бледные глаза без зрачков.

— Слушай внимательно, малыш. Твои выводы слишком глупые. Я говорю, что не стоит плакать по ушедшим — им легче, чем нам. Особенно твоей тётушке. Ей сколько было? Сто два?

— Семьдесят шесть, — фыркнул Максим.

— Разница невелика, — отмахнулась Агата. — Что лучше: тело, с каждым днём слабеющее всё сильнее, или чувство лёгкости? — Максим не ответил, требовать Агата не стала, покосилась на его руку, крутящую на мизинце её кольцо. — И прекрати так делать, — она дёрнула его за рукав. — Мне щекотно.

Он не сразу понял, о чём она говорит. Взглянул на руку, словно видел её впервые, и в отместку сделал кольцом ещё несколько оборотов. Ругани было не избежать, но в проёме входной двери появилась Мария.

— Поехали, нас ждут, — напряжённо сказала она, поправляя ворот чёрной водолазки под чёрным плащом. Максим кивнул и бросил предупреждающий взгляд на Агату. Та капитулирующе подняла руки, показывая, что проблем не доставит. Он не поверил ей, но послушно пошёл за матерью.

Вместе с ними в машину сели ещё трое: двое мужчин возраста Марии и девушка — ровесница Максима. Агата оценивающе оглядела её: широкие джинсы с высокой посадкой, проколы в ушах, подколотые крабиком светлые волосы. Она решила, что ещё разберётся в современной моде, и не без удовольствия залезла на переднее пассажирское сиденье вслед за Максимом. Других мест для неё не было, она устроилась на его коленях, пощекотала нос волосами и прицельным, явно специальным ударом локтя выбила воздух из лёгких. Он закашлялся, списав всё на ночные холода и тонкое одеяло. Агата хихикнула.

До кладбища доехали в тишине и в продолжающемся молчании пошли бесформенной толпой вслед за четырьмя мужчинами, несущими гроб. Максим и Агата всё время стояли в стороне. Первый ещё несколько часов назад получил от этого места всё, что хотел и не хотел. Вторая подозрительно косилась по сторонам, опасаясь, что на этот раз удача отвернётся от неё и она вновь останется на своей могиле.

Меньше чем через час все вернулись в дом. Поминки были тихими, наполненными воспоминаниями об ушедшей, которых было не так уж много. В основном говорила бабушка Максима, Светлана Ивановна, лучше всех знавшая свою сестру. Иногда подключались соседки, их дети и внуки, успевшие познакомиться с Лидией.

Максим сидел с краю стола, рядом на пустующей табуретке устроилась Агата. Они скрытно переговаривались. Агата не переживала, что её может кто-то услышать; Максим печатал ответы в заметках на телефоне и показывал ей. Никто не обращал на него внимания.

К полудню все разошлись. Мария и Максим помогли Светлане Ивановне убрать и вымыть посуду, вернуть на место принесённую в зал мебель, сложить стол. Агата не мешала, сидела в комнате на втором этаже, терпеливо ожидая возможности уехать отсюда и посмотреть новый мир.

В заведённую машину кинули два рюкзака с одеждой и несколько сумок с овощами, консервами и вареньем. Мария села за руль, Максим — вперёд, Агата — назад. Она залезла на сиденье с ногами, не беспокоясь об обуви: следов грязи на ней не было. Заиграло радио, машина двинулась по просёлочной дороге.

Максим негромко разговаривал с матерью о прошедшем дне и двух выходных впереди, когда они смогут передохнуть. В зеркало заднего вида он взглянул, когда они выехали на асфальтированную дорогу и двинулись в сторону трассы. Не заметив Агату, с лёгким волнением, сжавшим желудок, развернулся. Она лежала на сиденьях, глаза были закрыты. Он не стал беспокоить её, но решил, что расспросит побольше о жизни призраков, и вытащил телефон. Быстро написал сестре сообщение, что на выходных приедет к ней со странной просьбой. Вика ответила простым «ок» и попросила привезти еды, если разговор будет трудным. Он не ответил, только поставил реакцию на её сообщение.

Родной город неторопливо приближался. Все два часа пути Максим смотрел в окно и выстукивал по ручке двери хаотичный ритм. Все мысли были заняты смертью Агаты. Он наде-

ялся, что сестра поможет, иначе он не сможет смотреть, как девушка медленно сходит с ума, не имея возможности обрести покой.

Глава 3.

Солнце было высоко над горизонтом, когда кованые ворота отъехали в сторону, издав протяжный скрип, и коричневый Ford заехал во двор, вымощенный двухцветной брусчаткой.

Машины отца не было — сегодня он уехал в офис. Мария брала отгул на два дня, а теперь сонно тёрла уставшие после длительной дороги глаза. Она ободряюще тронула задумчивого Максима за руку и вышла. Хлопнул багажник, Мария забрала два рюкзака и исчезла в доме.

Максим обернулся — Агата так и лежала сзади, легко дыша, чуть нахмутив брови. Он задумался: нужно ли ей дышать? Или это скорее привычка, оставшаяся со времён обычной жизни, как и необходимость моргать? Да и её «сон» казался странным. Мёртвые не спят. Он нахмурился и негромко позвал девушку.

Она не отреагировала, лишь сильнее подтянула колени к груди, белые пряди упали на лицо.

Максим тронул её кольцо — холодное, упрямо отказывающееся нагреваться от тепла его тела. Агата тут же открыла глаза и недовольно посмотрела на него.

— Я предупреждала, — прохрипела она, поднимаясь.

— Необходимость. Как ещё я мог разбудить тебя? — Максим практически ласково улыбнулся ей. Агата клацнула зубами.

— Я и не спала. Это не сон, просто возможность отвлечься. Поживёшь с моё — узнаешь, — она оказалась снаружи, не открывая дверь. Максим вышел следом.

— Ты ворчишь, как старуха, не надоело? Тебе сейчас было бы чуть больше сорока. Это не так много, знаешь ли, — он сложил руки на груди.

— Но всё ещё больше, чем тебе, — прищурилась Агата. — Прояви уважение к мёртвой старушке. И прекрати трогать кольцо.

— Какая нежная, — иронично протянул Максим. — Идём, у меня много вопросов.

— Нет, это у меня много вопросов, — она ткнула пальцем ему в лицо и без проблем проникла в дом. Прошла сквозь дверь, послышался приглушённый деревянными стенами лай.

Максим поспешил за ней, пока мать не пошла проверять обычно молчащую собаку. Он ожидал увидеть что угодно: двух взбешённых животных, способных видеть призраков и зажавших испуганную Агату в углу.

Но вместо расправы над мертвецом застал чёрную лабрадоршу, охотно принимающую холодные ласки Агаты, и кота, трущегося о её голени. На долгие мгновения он застыл, не поверив своим глазам, хотя давно разучился удивляться.

Агата радостно визжала и трепала собаку за ушами и по холке. Коту доставалось меньше внимания, но он довольствовался тем, что было.

— Они приятнее тебя. И меня видят. Прекрасная замена, — с усмешкой сказала Агата и наконец выпрямилась. — Как их зовут?

Вопрос заставил Максима сдержать рвущийся наружу сарказм касательно их вынужденного сотрудничества. Девушка с неподдельной искренностью смотрела на него, продолжая касаться мокрого носа радостной собаки.

— Бонни, — Максим указал на лабрадора.

— А Клайд где? — не удержалась Агата.

Эту шутку он слышал сотни раз за пять лет жизни с Бонни. И каждый шутник считал себя невероятно оригинальным. Такими же прирождёнными юмористами были люди, шутящие про питомцев с именами Элли, Тотошка, Кай и Герда. По выражению лица Максима она поняла, что ответа не будет.

— А кота? — прервала Агата затянувшееся молчание.

— Тиша, — Максим взял кота на руки и погладил пушистый живот.

— Здорово. Ну всё, в семью я вошла, идём болтать, — Агата бесцеремонно прошла вглубь дома.

Она заглянула в открытую дверь совмещённого туалета, затем в подсобку под лестницей с другой стороны. Обошла по кругу кухню-гостиную. Посидела на мягком диване, заглянула в холодильник.

Максиму стало интересно: если мать спустится сейчас, как на ней скажется присутствие Агаты? Она будет слышать скрип пола от её шагов, стук пальцев по столешнице — или для неё все движения гости были бесшумными, и лишь Максим поворачивался на каждый шорох?

Закончив обход, она вернулась к лестнице. Они вместе пошли на второй этаж. Из ванной доносился шум воды — Мария принимала душ. Максим схватил Агату за руку и затащил в ближайшую комнату. Дверь закрылась, за ними успела проскочить Бонни, тут же устроившаяся на кровати.

Агата принялась за исследование. Прошлась кончиками пальцев по корешкам книг на стеллаже. Их было немного — в основном нехудожественная литература, связанная с юриспруденцией, и всего две книги в фантастическом жанре. На других полках стояли фигурки по фильмам и сериалам, на прозрачном крючке висели несколько медалей — награды за победы в соревнованиях по плаванию.

— Надо же, ты не заучка. Удивил, — Агата развернулась, оценивающе оглядела разбросанные вещи. Часть лежала кучей на прикроватном стуле, другие не смогли долго сопротивляться гравитации и валялись на полу.

Первым порывом Максима было вытолкать Агату за дверь, запихнуть ногами вещи в шкаф, успеть закрыть его, пока что-нибудь не вывалилось обратно, а потом впустить девушку. Но вместо этого он гордо расправил плечи и отшвырнул от себя лежащий носок.

— Потрясающе, — хохотнула Агата.

— Перейдём к делам, — невозмутимо сказал Максим. — Алиса, включи музыку.

— Я не... — возмущение Агаты перебил женский голос из колонки. Следом заиграла незнакомая ей песня. Максим удовлетворённо кивнул, сделал громче и сел на кровать, подпирая бок собаки своим.

— Присоединяйся, — он похлопал рядом с собой.

Агата ещё несколько мгновений смотрела на колонку, но всё же села с другой стороны от Бонни. Не выдержала: завалилась на кровать, растёрла лицо руками и громко, хрипло простонала.

Двадцать лет Агата жила на кладбище. Почти всегда одна, соприкасаясь с быстро меняющимся внешним миром только через проходящих к могилам людей. А сейчас она узнала слишком многое, столкнулась со слишком большим объёмом информации. Агата не думала, что может устать, но она правда устала.

— Спрашивай, малыш. Иначе я сойду с ума, если девушка из колонки заговорит снова, — Агата продолжала прятать лицо в изгибе локтя.

Максим убедился, что дверь закрыта, а музыка играет достаточно громко, чтобы маму не смутил доносящийся из комнаты голос. Он лёг рядом и уставился в потолок.

— Ты не спала. Тогда что ты делала? — Максим достал телефон и открыл закладки. У него была специальная папка, куда он записывал всё, что узнавал о призраках. Информации было немного, он надеялся, что Агата расскажет больше.

— Ничего. Просто отключилась. Возможность сбежать от мира, которую оставили высшие силы для таких, как я, — Агата уронила руку на кровать и посмотрела на Максима. — Сны не снятся, просто пустота и пульсация в голове. Всё. Главное — не злоупотреблять этим даром. Один раз я «проспала», — она показала пальцами кавычки, — месяц. А потом несколько лет не могла закрыть глаза.

— Это... печально, — сказал Максим, заканчивая первую запись.

— Ага. Не жалею мёртвых, нас и так все жалеют. Тоска смертная, — фыркнула Агата.

— Да-да. «Жалею живых, Гарри», — усмехнулся Максим.

Агата одарила его скептическим, ничего не понимающим взглядом.

— Да, мы совместим приятное с полезным и посмотрим много фильмов.

— Ладно, — она резко села и хлопнула себя по коленям. — Моя очередь, малыш. Ты встречал таких, как я? Или других, но тоже застрявших?

— Нет, — он покачал головой, глядя на неё снизу вверх. — Только тех, кто уходил через несколько дней, неделю максимум. И тех, кто угрожал, но это реже.

Агата понимающе кивнула, легла обратно и перевернулась на живот. Собака повторила её действия — теперь они обе пихали Максима ногами. Бонни — чтобы заполучить больше места, Агата — просто потому что хотела и могла. Максим пихнул её в ответ, она оскорблённо охнула.

— А каких призраков видела ты? — он перехватил летящую в него подушку и уложил её рядом с собой.

— Многих, — Агата то ли хвасталась, то ли жаловалась. — Моё кладбище оказалось любопытным и населённым. — Она уселась поудобнее. — Записывай, малыш. Потом я уйду, книгу напишешь — станешь знаменитым. Как эти... Стругацкие.

— Читала Стругацких? — удивился Максим.

— Да, я много читала, — кивнула Агата. — Если меня сбила машина, а потом обвинили в нетрезвости, это не значит, что я совсем пропащая.

— Верю, — сказал Максим. — Ты хотела рассказать. Я слушаю.

Агата кивнула, но сразу говорить не стала. Она неторопливо гладила Бонни по голове, скользнула пальцами к морде, тронула холодный нос. Тиша громко, требовательно мяукнул, перебивая мелодию зарубежной песни. Агата коснулась и его розового носа.

— Не уверена, что расскажу тебе обо всём. Думаю, нас намного больше, но я встречала четыре вида призраков, не считая таких, как я, — она нахмурилась, прикусила нижнюю губу. Максим невольно улыбнулся. В заношенном худи, с капюшоном на голове, Агата выглядела как обычная девушка. Прошло чуть меньше десяти часов с момента их встречи. Агата была самой человечной из всех духов, которых он когда-либо видел. — Только давай без жалости, окей? Я говорю, ты слушаешь и молчишь. — Максим кивнул. — Первые — самоубийцы. — У него похолодело в груди, когда Агата произнесла последнее слово. — Их наказывают за обрванную жизнь. И в виде призраков они ходят по кладбищу столько лет, сколько отняли у себя. Я знала мужчину тридцати лет. Он утопился, когда его семья погибла. Это случилось в семьдесят седьмом. Покой он обрёл тринадцать лет назад. Самоубийцы или такие, как я — убийцы, — обычно становятся зрителями кладбищ. Зрители заботятся о вновь прибывших, потому что знают больше и существуют призраком дольше. Если хочешь знать, зритель из меня никудышный, хотя после ухода Вани я правда старалась, — она грустно улыбнулась. — Ещё есть те, у кого остались дела. Страшные нытики: ходят, причитают, жалуются. Их зовут на тот свет, а они не хотят, сопротивляются. Могут месяц ходить, могут два-три, год. Не знаю, от чего зависит. А потом в один момент — раз, и уходят. Может, им просто нужно время, чтобы понять и смириться: дела остались в прошлом, как и жизнь. Дальше — отпетые уроды. Убийцы, насильники, грабители. И ты их встречал. Злые, опасные. Мы не сталкиваемся с ними — они с нами. Такие призраки ходят в пустых частях кладбища. Даже мы их редко видим, не знаю, как тебе удалось. У них нет пути дальше. Они остаются запёртыми у своих могил на долгие годы, угасают медленно, испытывают мучения, а после исчезают. Может пройти и сто лет, прежде чем это случится. Ну, — Агата потёрла нос. — Обычных ты и так знаешь. Пришли — ушли. Делов-то.

Она замолчала, поджала ноги и положила подбородок на колени. Напускное веселье, которым Агата без остановки одаривала Максима с момента их встречи, на мгновение рассе-

ялось. Его сменили печаль и тоска. Говорить о смерти всерьёз куда тяжелее, чем постоянно отшучиваться.

Максим устался на маленькую дырочку на спине её толстовки. Ткань натянулась — она стала заметнее. Он тронул Агату кончиками пальцев, ощутил холод, из которого она состояла. Девушка повернулась к нему, улыбнулась, но улыбка вышла вымученной.

— Кто помогает таким, как ты? — Максим спросил не из личного интереса или желания узнать больше. Его вдруг стала волновать судьба других убитых. Кто рассказывает им правду, позволяя уснуть? Или все они обречены?

— Да много кто, — Агата пожала плечами. — Здесь всё проще, чем ты думаешь. Иногда приходят родственники или друзья. Считают, что мёртвым не всё равно. И тут они правы. Газеток у нас нет, новости узнать не можем. Они рассказывают, куда зашло следствие, нашли ли убийцу. Следствия по моей смерти не было, сам видел — для всех я оказалась виновата. Знаешь, кто ещё помогает? — она расхохоталась. — Я лично не видела, Ваня рассказывал. Всякие чудилы типа экстрасенсов. Кто-то притворяется ради маленькой славы, другие и правда что-то чувствуют. В общем, они тоже иногда рассказывают.

— Надо же, — Максим потёр подбородок. — В «Битве экстрасенсов» есть и правда.

— Где? — не поняла Агата.

— Не бери в голову, — махнул рукой Максим. — Но ты и правда многое упустила.

— Я заметила, — она указала на говорящую колонку. — Такие дела, малыш. Ещё вопросы? Или я могу задавать свои?

Максим кивнул, хотя у него оставалось много того, что он хотел бы узнать. Но эти вопросы касались самой Агаты, а не её призрачной жизни, поэтому он решил приберечь их на следующие дни.

Девушка уселась поудобнее, вытянула ноги и положила их поверх ног Максима, а спиной облокотилась на мирно спящую, временами похрапывающую собаку. Посыпалась тонна вопросов. Максим ожидал, что Агата уже отыскала всё, что её интересует, пока сидела в его ноутбуке. Оказалось, она случайно зашла на страницу с видеоподборкой и развлекала себя стендап-концертами, а после смотрела сериал.

Сейчас же Агату волновали более серьёзные темы. Снялся ли Бодров в новых фильмах и не выпустили ли случайно еще один фильма в серии «Брат». Максим разочаровал её по всем фронтам. Агата объявила минуту молчания и целую вечность пялилась в одну точку.

Но потом её увядшее настроение улучшилось, когда она узнала, что «Друзья» наконец закончились, а «Ночной дозор» экранизировали.

Дальше Максиму пришлось собрать главные новости последних двадцати лет и кратко рассказать о них Агате, вдаваясь лишь в те подробности, о которых девушка просила.

Начал с безобидных вещей вроде цифровой эволюции, но о технологиях слушать Агате было не очень интересно. Она и сама многое видела, пока жила на кладбище: наблюдала за меняющимися телефонами, за тем, как люди перестали носить с собой фотоаппараты, как наушники становились меньше. А вот социальными сетями Максим её заинтересовал. Агата решила, что обязательно создаст себе страничку и выложит туда несколько фотографий своей могилы и статью об аварии. Ей это показалось забавным, Максиму — нет.

После социальных сетей он познакомил её с мемами. Смех Агаты громким визгом разносился по комнате, перебивая музыку. Не весь юмор она понимала, что-то Максим терпеливо объяснял, хотя знал правило: если шутку нужно объяснять, это уже не шутка.

Политика и мировые события почти не затрагивались. Агату это мало интересовало, гораздо больше её увлекли современный культ Цоя, ремейки старых фильмов и перепевки классических песен. «Алиса» послушно включала всё, о чём просила Агата, отвечала на вопросы, на которые у Максима не было ответов. Девушка даже с прищуром поинтересовалась, не знает ли говорящая колонка, кто её убил, на что получила ожидаемо отрицательный ответ.

Они разговаривали несколько часов, и уже темнело. Один раз в комнату заглянул отец Максима, вернувшийся с работы. Их разговор был быстрым, но уютным, с обычными вопросами о прошедшем дне и о том, сильно ли они устали с мамой. Агата ловила каждое слово, разглядывая его лицо. Лёгкая щетина, светлые глаза и тёмные волосы — он немного напоминал её отца. Хотя, если бы не фото на памятнике, она бы и забыла, как тот выглядел.

Позже пришла Мария, чтобы сказать о скором ужине. Она улыбнулась сыну и посмотрела на спящую собаку. Рядом калачиком свернулся кот.

— Подозреваю, ты не ешь, — сказал Максим, доставая из рюкзака свой ноутбук. — Держи, пароль «1811». Справишься?

Агата кивнула, провела пальцами по логотипу с откусанным яблоком и, прищурив глаза, посмотрела на потягивающегося парня.

— А с чего ты взял, что я не ем? Делиться не хочешь? Вроде не бедно живёте, — она оглядела комнату и ткнула пальцем в висящий на стене большой телевизор.

— Я просто... — Максим, не ожидая такой реакции, немного стушевался.

— Просто жадный, я поняла, — подытожила Агата. — Можешь оставить меня здесь умирать от голода.

Она трагично приложила тыльную сторону ладони ко лбу и завалилась на кровать, принявшись бухтеть о несправедливости и людской скупости.

— Так ты ешь? Или издеваешься? — не понял Максим.

— Это ты издеваешься надо мной! — продолжила сокрушаться Агата. — Конечно, ем. Думаешь, куда деваются конфеты и печеньки, которые вы на могилы приносите? Мы дерёмся за них.

— Серьёзно? — он старался разобраться в её тоне. И пока что ему не удавалось распознать в её голосе правду или ложь.

— Да-да, — она отняла руку ото лба и посмотрела на Максима. — Серьёзно. Вкус, правда, не такой яркий.

— А куда, ну... — бабушка учила Максима, что естественно не бывает безобразным. Ему двадцать один год, с однокурсниками он говорил о более отвратительных вещах. А сейчас не мог спросить, куда же девается съеденная Агатой конфета.

— Мы в туалет ходим? — закончила за него девушка. — Да никуда, расслабься. Всё просто исчезает. Высшие силы оставили нам маленькую радость и возможность заработать диабет после смерти. Кроме сладкого редко что оставляют. Один раз я стащила у ребёнка чипсы, визгу было... Но здоровее будет.

Агата хохотнула и начала постукивать пальцами по крышке ноутбука: тук-тук-тук. Максим задумался, мысленно пополняя список новых фактов о призраках. С этого момента он решил приносить на кладбища контейнеры с едой.

— Хорошо, сиди тут. Я принесу всё, — кивнул ей Максим, уходя. Бонни, до этого храпящая до дрожи кровати, тут же вскочила следом. Пришло и её время поужинать. Сонный кот потащился за ними скорее из любопытства, чем от голода. — Посмотрим фильм, какой захочешь. Выбирай пока.

— Вау, — широко улыбнулась Агата. — Это свидание? Ужин в постели. Только чур, не приставать. Я девушка приличная, приставать буду сама.

— Ты умерла девственницей, что ли? — поморщился Максим. — У кого что болит, тот о том и говорит?

— Напротив, малыш. Напротив, — Агата показала ему язык и уткнулась в экран ноутбука. Пальцы неумело нажимали на нужные клавиши, но она осваивалась быстро. Максим посоветовал поискать в топе фильмов за последние годы, но Агата жестом велела ему убираться за едой и оставить поиски ей.

Максим выглядел не очень убедительно, когда накладывал себе двойную порцию запечённой курицы и овощного гарнира. Несмотря на спортивное прошлое и продолжающиеся походы в зал, ел он относительно немного.

Он отнёс тарелку на второй этаж. Агата с хмурым выражением лица выбирала фильм, успев отбросить несколько любопытных до этого вариантов, и не обратила на него внимания. Максим вернулся вниз — в гостиную не вошёл, порылся в комод, стоящем напротив ванной. Там они хранили закуски для фильмов. Выбрав две пачки чипсов, он ещё раз пожелал родителям приятного аппетита и скрылся в своей комнате.

Он застал Агату нависающей над переполненной тарелкой с их сегодняшним ужином. Она придирчиво тыкала вилкой в брокколи, при этом мини-кукуруза пришлась ей по вкусу.

— Мне оставь, ненасытная, — ухмыльнулся Максим.

— Будешь обзывать — я заколю тебя вилкой, — она угрожающе помахала столовым прибором перед его лицом.

— Я всё ещё могу выкинуть твоё кольцо, — парировал Максим.

— И обретёшь себе бессмертного врага, — оскалилась Агата.

Спор не продолжился. Максим отобрал у неё тарелку и сел на кровать так, чтобы упираться спиной в подушки у изголовья. Агата залезла следом. Она плевала на личное пространство любого человека — личное пространство Максима она, кажется, считала своим собственным. Его бок обожгло холодом, но отталкивать невыносимое привидение он не стал.

Максим одной рукой орудовал вилкой, накалывая овощи, второй включал на телевизоре фильм. Агата выбрала трилогию «Властелин колец» — она читала книги, поэтому сейчас готовилась указывать на каждую несостыковку, которую обнаружит. Максим молча кивнул, надеясь, что бубнёж девушки не сильно скажется на его психическом состоянии.

Фильм начался, Агата довольно откусывала мясо от куриной ножки. Маринад испачкал её щёку, но ей было всё равно. Она с распахнутыми глазами смотрела на экран телевизора. Качество и яркость её поражали, как и звук.

Сюжет стремительно тёк вперёд. Агата восхищённо пищала и хлопала в ладоши в моменты появления Гэндальфа, Арагорна и Леголаса. Максим не удержался и пошутил, что сейчас её легко взяли бы на роль эльфа или волшебника. Девушка согласно кивнула и приняла это за комплимент.

Она упёрлась щекой в его плечо, когда фильм перевалил за середину. Замечания у неё были, но Агата решила не портить атмосферу никому не нужными высказываниями. Ей нравилось быть здесь. Запах кладбища и чувство одиночества среди шумных могил так сильно надоели ей, что она каждый день молила о том, чтобы просто исчезнуть, как исчезали призраки, совершившие много зла при жизни. Ей уже не нужно было тепло места, куда забирали счастливых — она просто желала покоя.

Сейчас же она была счастлива. Чувствовала себя живой настолько, что хотела заявить о себе всему миру. Даже если ничего не выйдет, если она останется прикована к земле навечно, пока её не решат избавить от мучений, Агата всё равно будет с улыбкой вспоминать мгновения, когда она вновь была обычной девочкой, смотрящей фильм с красивым мальчиком.

Она не терялась в сюжете лишь потому, что была знакома с ним. Мысли путались. Максим рядом был тёплым, она уже вручила ему свою жизнь, свою веру. И уже была благодарна.

Он всхрипнул, дёрнулся, неосознанно прижался щекой к её макушке. Поморщился от холода, но не отстранился. Максим устал — этот день выдался для него не таким тяжёлым, как для его матери, но сил больше не осталось. Агата замерла, спасая от падения тарелку с чипсами, стоящую на коленях парня.

Она действовала неторопливо: выползла из-под навалившегося на неё тела. Максим не проснулся ни когда Агата не очень тихо переставляла тарелки на письменный стол, ни когда укладывала его поудобнее на подушку и кутала в плед.

Она выключила свет,пустила скулящую под дверью собаку и легла рядом. Агата разглядывала его спокойное во сне лицо. Мальчик, видящий призраков... Интересно. Она спросит его об этом завтра, когда они поедут к его сестре, способной решить её проблему, или в другой день, когда будет время. А он, Агата была уверена, спросит её ещё о многом. Но это — потом.

Она улыбнулась и устроилась поудобнее. Жёсткий матрас был намного лучше холодного могильного камня, на котором девушка сидела часами. Максим натянул плед выше, прячась от окутывающего его холода, громко вздохнула собака, Агата прикрыла глаза.

Глава 4.

— Ты учитель? — Максим слишком эмоционально взмахнул руками, едва не сбросив со стола баночку со специями.

— Почти, — Агата пожала плечами. — Полгода не хватило, я уже диплом даже начала писать.

Она сидела на кухонной столешнице красивого бутылочного цвета, всё в той же толстовке и лосинах, и болтала ногами. Волосы она заправила под капюшон, чтобы не мешали.

Максим готовил завтрак, из небольшой колонки играла музыка. Они успели недолго прогуляться с собакой, а сейчас собирались ехать в город. Отец Максима несколько часов назад уехал на встречу, мать возилась на втором этаже. Они работали в одной компании, но в разных отделах и на разных должностях. Он — руководитель нескольких проектов, она — главный бухгалтер. И порой работа захватывала даже выходные.

Максим без боязни быть обвиненным в проблемах с головой разговаривал с Агатой, но для перестраховки и собственного спокойствия воткнул в одно ухо наушник. Если вдруг мать спустится незамеченной, он объяснит всё разговором по телефону.

— И чему ты собиралась учить? — Максим старался не показывать, но представить Агату в роли строгой учительницы не получалось. А вот в роли той, что пропускает уроки и даёт детям списывать, — легко.

— Русскому и литературе, — гордо сказала Агата. — Понадобится помощь — обращайся, малыш.

— Мне двадцать один, — хмыкнул Максим. — Я старше тебя на пару месяцев.

— В обычной жизни — да. А так тётя Агата может многому тебя научить, — довольно улыбнулась она.

— Тётя Агата может закрыть рот и перестать дышать мне в ухо, — он дёрнул плечом, легко толкнув девушку.

Она обиженно отпрянула, слезла со столешницы и села на стул, ожидая, когда ей подадут завтрак.

Максим на обиду не отреагировал, положил на одну тарелку яичницу из четырёх яиц и три сосиски. Они ели неторопливо, продолжая переговариваться. Максим переписывался с сестрой, напоминая, что меньше чем через час будет у неё. В ответ Вика отправила ему стикер с большим пальцем.

Когда с завтраком было покончено, Максим сунул грязную посуду в посудомойку, вымыл руки и пошёл наверх за рюкзаком с ноутбуком. Если повезёт, Вика быстро согласится им помочь, и он успеет подготовиться к парам в понедельник.

Мария перехватила его у лестницы. Тронула за плечо, когда нога почти оказалась на верхней ступени. Он дёрнулся, едва не покатился вниз.

— Мама! — недовольно шикнул Максим.

— Извини-извини, — она улыбнулась. — Я тут подслушала.

От её слов Максим невольно сглотнул и напрягся. В голове промелькнуло слишком много мыслей, сами собой сформировались оправдания.

— Агата — твоя девушка, да? Ты не рассказывал о ней.

Он выдохнул слишком громко. Улыбка Марии стала ещё шире, словно этим действием Максим полностью выдал себя. Хотя он просто испытал неподдельное облегчение и пытался справиться со стуком сердца. Мама продолжала придерживать его за плечо, а Максим косился на стоящую рядом Агату. Она появилась тут же, стоило Марии произнести её имя.

— Просто знакомая. Из вуза, — звучал он убедительно или нет — оставалось только гадать.

— Красивая? — не отступала Мария.

Вместе с тёмными глазами матери на него смотрели и прозрачные глаза Агаты. Она с нетерпением ждала его ответа.

— На троечку, знаешь, — он специально призадумался, наслаждаясь, как кривится от негодования лицо Агаты. — Слишком бледная, будто утром из могилы вылезла.

— Макс! — одёрнула его Мария. — Скажешь ей так в лицо — я выселю тебя из дома.

— Я перееду к Вике, — не испугался деланной угрозы Максим. — Как раз еду к ней. Пока. Люблю тебя.

Он махнул ей на прощание и сбежал по лестнице. Раздражённая Агата уже ждала его у выхода. Максим подмигнул ей, взял ключи от машины и вышел на улицу. Было теплее, чем вчера, но солнце продолжало прятаться за серыми тучами. Двигатель «Форда» тихо урчал, по радио крутили рекламу нового ресторана.

Они выехали со двора, Агата угрюмо расположилась на пассажирском сиденье с накинутым на бесцветные волосы капюшоном. Охрана посёлка выпустила машину за территорию, началась витиеватая лесная дорога, покрытая опавшими листьями.

Максим переключал радиостанции в надежде найти нормальную музыку, но в итоге сдался и подключился по блютузу. Первая песня не устроила Агату, она махнула рукой — тут же заиграла следующая.

— Ты и так можешь? — восхитился Максим.

— Я и шею могу тебе свернуть, — зло выплюнула Агата.

— Ты обиделась на меня? — в голосе слишком сильно выделялось удивление. Агата выдавала настолько чёрные шутки касательно своей смерти, что после каждой Максиму казалось, будто солнце становится тусклее. А сейчас она надулась как ребёнок из-за его слов.

— Только очкарики могут называть очкариков очкариками, смекаешь? — ошетинилась Агата. — Вот и ты сначала помри, на кладбище поживи, а потом будешь про мою бледность шутить. Понял?

— Понял, — тут же кивнул Максим. — Это правда была шутка, — решил смягчить он ситуацию. — И ты красивая.

— При жизни была ещё лучше, — фыркнула Агата.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся Максим.

Настроение девушки тут же улучшилось. Она щёлкала пальцами под ритм песни, иногда пританцовывала, как могла, иногда подпевала, когда попадалась достаточно старая композиция. Максим лишь постукивал пальцами по рулю и петлял между машинами.

Они въехали в город, дороги стали более загруженными: люди ехали на прогулки в центр или за город. Погода позволяла наслаждаться природой. Агата прижалась к окну, рассматривала проезжающие автомобили, провожала взглядом людей на электросамокатах, читала вывески на огромных цифровых билбордах.

Машина остановилась на светофоре. По левую сторону оказался торговый центр с огромной парковкой. До них доносились звуки рекламы, призывающей посетить кинотеатр и посмотреть новые фильмы.

— Мы ходим? — спросила Агата.

— В кино? — уточнил Максим.

— Ага, мне нравилось смотреть фильмы на большом экране. Хотя телевизор в твоей комнате тоже ничего, — кивнула девушка.

— Сходим, выберешь фильм. У нас есть театр, опера, балет, выставки всякие, — начал он перечислять.

— Если ты хочешь, чтобы я уснула и не проснулась, опера отлично подойдёт. А вот в театр можно, — согласилась Агата.

Спорить Максим не стал, до дома Вики они добрались быстро. Пришлось сделать несколько кругов по микрорайону, чтобы найти свободное место для парковки. Высотки вокруг были приятного песочного цвета с редкими вставками белого кирпича. Сначала они зашли в небольшой ресторанчик и забрали сделанный Максимом заказ суши, потом направились к подъезду.

Агата восхитилась и домофоном, и современным лифтом. Сестра жила на седьмом этаже, встречать не стала, дверь оставила приоткрытой. На пороге уже крутился спаниель, радующийся гостям.

— Джек, — познакомил он Агату с псом. Она уже сидела перед ним на коленях и довольно трепала длинные, кучерявые уши.

— Максик, проходи, я в зале, — крикнула Вика. Квартира была довольно просторной: две комнаты, кухня, отдельный санузел и большая прихожая.

Максим поднял глаза к потолку, взял несколько секунд паузы перед тяжёлым разговором, встряхнулся и пошёл на голос сестры. Виктория сидела на полу в домашних шортах и белой футболке с давно не отстирывающимися пятнами. Она с усердием раскрашивала картину по номерам и параллельно смотрела сериал.

— Думала, следователи выглядят иначе, — Агата выглянула из-за плеча Максима, но ближе не подходила. В комнате и без того стало немного прохладнее. Ей не ответили.

Максим поставил пакет с суши на маленький столик и уселся прямо на ковёр с длинным ворсом напротив сестры. Они были похожи. Формой лица, цветом волос; губы у Вики были материнскими, довольно пухлыми, а вот цвет глаз, в отличие от брата, она унаследовала от отца — такие же голубые.

Виктория отложила кисточку, придирчиво оглядела промежуточный результат, поцокала языком, решая прерваться. Она улыбнулась брату и заглянула в пакет. Восемь контейнеров с суши и три ведёрка с супом.

— Судя по количеству, разговор будет очень тяжёлым. Если ты кого-то убил, не говори, — Вика сказала это спокойно, без юмора. Достала верхний контейнер, в нём оказалась «Филадельфия с огурцом», она довольно кивнула, разламывая палочки. — С трупом разбирайся сам.

Агата расхохоталась. Максим недовольно покосился сначала на неё, но быстро опомнился и перевёл взгляд на сестру. У него был план, на хороший исход которого он не надеялся: прикрыться учёбой и дипломной работой, попросить помочь в раскрытии старого дела. Только проблема заключалась в том, что поисков убийцы не велось — ни зацепок, ни подозреваемых. Водитель остался на месте, свидетель подтвердил обычную аварию. Вика не поверит ему просто так, но Максим хотел попытаться обойтись малой правдой.

— Обязательно, ты узнаешь последней, — кивнул он, и Виктория недовольно фыркнула. — Помоги мне разобраться в убийстве. Для практики в дипломе.

— Окей, — она пожала плечами, отправляя в рот третий ролл. — Какие материалы есть?

— Никаких, делу двадцать лет, — тут же сказал Максим. Вика закашлялась, несколько раз ударила себя по грудной клетке и выдохнула. Теперь уже Агата с непониманием косилась на своего спасителя. Уверенность в его успехе резко улетучилась.

— А поновее что-то взять не мог? — поинтересовалась Вика. — Давай убийства Джека-потрошителя расследовать, его личность раскроем заодно. Делов-то? В общем, не занимайся бредом, я найду тебе другое дело. Попросил бы сразу.

Агата вцепилась в плечо парня, сжала так крепко, что Максим тихо, протестующе зашипел от боли, пронзившей всю правую сторону. Она отпустила, но всё равно в волнении стала дёргать его за рукав кофты.

— Нет, мне нужно именно это. Ты же можешь позвонить в архив соседней области? — продолжил настаивать Максим.

— Могу, но зачем? Это лишние хлопоты, — Вика доела «Филадельфию» и открыла баночку с супом. — Что за дело хоть?

— Авария, — буркнул Максим. — Девушку сбили.

— Ясно. Забудь, аварии — скукота. Подожди недельку-две, принесу тебе новые варианты, — она отхлебнула бульон, довольно прикрыла глаза, наслаждаясь креветочным вкусом.

— Вик, — Максим стал серьезнее. — Я тебя редко о чём-то прошу. Мне очень нужно это дело и твоя помощь. Ты можешь не задавать вопросов, а просто выполнить мою просьбу?

Виктория нахмурилась. Дома она позволяла себе забывать о работе, становилась расслабленной, весёлой. Но сейчас Максим заставил её напрячься. Она посмотрела на него взглядом, от которого всем на допросах становилось не по себе. Он выдержал, но внутри всё неприятно сжалось. Сестру он не боялся — это правда рвалась наружу. Вика точно не оценит его искренность.

— Нет, не могу, — отрезала Виктория. — Моя работа — задавать вопросы. Либо ты всё мне объясняешь, либо довольствуешься теми делами, которые я тебе принесу.

Максим зло скрипнул зубами. Он ненавидел этот тон сестры: нравоучительный, властный, не терпящий возражений и лишних споров. Иногда он думал, что на работе с ней всегда соглашаются, лишь бы не слушать её слишком долго.

— У вас здесь всё в порядке? — Максим дёрнулся от неожиданности. В комнату вошёл хорошо сложенный мужчина. Тёмные волосы, лёгкая щетина, зеленовато-серые глаза. — Держи, — он кинул Виктории шоколадный батончик, сам открыл баночку с лимонадом. — Привет, Макс.

Мужчина протянул ему руку, тот пожал её, приветливо улыбнувшись.

Илья Савицкий — муж Виктории, майор уголовного розыска. Максим надеялся поговорить с сестрой наедине. С Ильёй у них были отличные, практически братские отношения; в браке с Викторией они состояли без малого шесть лет. Он давно стал полноценным членом семьи, но Максим очень не хотел посвящать его в свои секреты. Только не сейчас, пока сестра не собиралась поверить ему.

Агата переводила взгляд с Ильи на Викторию и обратно. Она не вмешивалась, ждала, хотя внутри всё взрывалось от нетерпения и желания закричать. Ей казалось, что они помогут, но сначала заставят Максима всё рассказать. Так всегда делали взрослые, — Агата усмехнулась, — хотя она и сама уже была взрослой, старше их всех.

— Вы ругались? Если да, я пойду. Семейные разборки не моё, — Илья внимательно посмотрел на Максима и Викторию.

— Нет, — легко ответила Вика.

— Да, — скривился Максим.

Они оба резко перевели взгляд друг на друга. Илья хмыкнул, но, вопреки своим словам, остался: взял со стола закрытый контейнер с суши, палочки и уселся на диван, как будто ждал начала спектакля. Виктория недовольно закатила глаза.

— Я упустила момент, когда мы начали ругаться, Максик. Напомни, — она подалась вперёд, упёршись локтями в колени.

— Когда ты стала требовать объяснений. Ты забыла, что никогда меня не слушала? Особенно в детстве. Неужели что-то поменялось? — Максим надавил на воспоминания, от которых они с Викой всегда предпочитали отмахиваться. Когда ребёнок пытался убедить подростка, что видит призраков. В их городе было достаточно кладбищ, чтобы он регулярно видел мужчин и женщин, глядящих на него сквозь кованые прутья.

— Это ты про «призраков», — вмешался Илья, жующий роллы.

— Тебе заняться нечем? — шикнула на него Виктория. Илья довольно улыбнулся и покачал головой.

— Рассказала ему о своём сумасшедшем брате? — прохрипел Максим. — Отличная тема для разговора. Спасибо, Вика. Разберусь сам. Можете не провожать.

Он и правда поднялся с ковра и зашагал к выходу. Злость толкала на эмоциональные поступки. И ведь он прекрасно знал: ничего он сам не разберёт. Без Виктории и Ильи ему останется только перечитывать одну-единственную статью об Агате, и всё. А она так и останется мёртвой девочкой, бродящей по кладбищу.

Вика даже не шелохнулась. Илья подался вперёд, чтобы остановить парня, но не успел. Агата выхватила у него баночку и швырнула в стену. Лимонада там почти не осталось, но жестянка от удара смялась, покатилась по полу, оставляя маленькую блестящую лужицу. На этом Агата не остановилась: грубым, резким жестом она смахнула со стола остатки красок. Максим только повернулся на грохот — и увидел, как девушка с фарфоровой статуэткой в руках явно прикидывает, стоит ли её разбить.

— Агата, — позвал он. — Хватит. Пойдём.

Она оскалилась и несколько раз подбросила статуэтку, один раз почти уронив нарочно. Но в итоге послушно поставила её на полку — и манерно поклонилась зрителям.

Илья и Виктория этого не увидели. Зато прекрасно запомнили летящую саму по себе баночку, краски и парящую статуэтку.

— Что за хренота, что за хренота? — повторяла Виктория, вцепившись в ножку стола так, будто собиралась использовать его как дубину. — Макс, что за хренота?!

Она дышала слишком тяжело, словно только что пробежала марафон, а не ругалась с братом, сидя на полу. Илья выглядел сдержаннее, но неизвестно откуда в его руке появился пистолет.

— Ответь на вопрос сестры, Макс, пожалуйста, — слишком вежливо попросил он, не убирая палец со спускового крючка. В кого он собирался стрелять — было совершенно непонятно, но оружие явно добавляло ему уверенности.

Максим выдохнул, пытаясь вспомнить точный момент, когда его жизнь окончательно пошла под откос. Когда Агата решила блеснуть перед его семьёй? Или когда он впервые увидел призрака?

— Илья, Вика... это Агата, — он указал на пустое, с их точки зрения, место. — Вы её не видите. Она призрак девушки, которая умерла двадцать лет назад. Она ищет своего убийцу. Агат, — Максим повернулся к ней. — Вика, моя сестра. Илья, её муж. Сейчас они до усрачки напуганы благодаря тебе. Скажи привет.

Агата самодовольно прошагала к валяющимся кисточкам. Взяла одну, макнула в красную краску и вывела на инструкции к картине крупное, кривоватое:

«Привет».

— Что за хренота... — продолжила Виктория, глядя на надпись, которую Агата положила на край стола.

— Вик, ты что, Макса не слушала? — Илья хохотнул немного истерично. — Агата — призрак. Соберись, в конце концов.

Вика удостоила мужа испепеляющим взглядом, но больше ничего не сказала. Илья принял ситуацию спокойнее, будто с ним каждый день случались вещи и постраннее. Вероятно, так и было — работа опером не самая обычная, хотя и с мистикой никак не связана. Просто Илья умел приспособливаться куда лучше Виктории.

Он выбрался с дивана, встал посреди комнаты и вполне довольным тоном сказал:

— Давай проверку, Макс. Пусть твоя девчонка встанет за мной. Давай, — он призывно махнул рукой.

— Она не моя... — Максим фыркнул и посмотрел на Агату, которая радостно проскакала за спину Ильи. Она была единственной, кто получал от происходящего настоящее удовольствие. Илья был на втором месте. Максим — на десятом из четырёх возможных. А Вика нахо-

дилась где-то в первой сотне, не выше. Бледная, всё ещё смотрящая в одну точку, она отвлеклась лишь тогда, когда Илья предложил самую глупую идею, какая только могла прийти ему в голову.

— Проверка в стиле «Между небом и землёй», – объявил Илья. – Смотрел?

Максим нехотя кивнул. Вика вздёрнула бровь, сжимая ножку стола до боли в пальцах. Агата отрицательно покачала головой.

— Не бери в голову, ты умерла раньше, – сказал ей Максим, и Илья с Викторией тут же покосились на него. – Мне надо ей объяснить, – пробормотал он, уже представляя, как сестра вызывает санитаров и его увозят в больницу.

— Ладно, – Илья хлопнул в ладоши. – Агата, если ты меня слышишь: я буду показывать жесты, ты называешь их Макс, он — мне. Понятно?

Агата кивнула. Максим — для всех остальных.

Началась череда абсолютно сюрреалистичных мгновений, пока Агата озвучивала Максиму всё, что показывал ей Илья. Это было просто, пока мужчина не вошёл во вкус. Дальше пошли неприличные жесты, которые Агата уже не озвучивала, а показывала. Максим же вынужденно повторял всё за ней.

Илья веселился. Вика вышла на кухню и вернулась с бутылкой и четырьмя стаканами — но наполнила только один. Запах алкоголя ударил в нос, Агата поморщилась и отошла подальше.

— Агата поест, но пить не будет, – сказал за неё Максим и подтолкнул девушку к дивану. Она сама не пошла, схватила его под руку и потащила за собой. Они вместе уселись на край.

Агата придирчиво оглядела суши, попробовала несколько — ей понравилось.

— Так вот как бы я выглядела сейчас, – шепнула она с набитым ртом, глядя на Вику и Илью. Максим еле разобрал слова.

— Нет, ты была бы ещё старше, – усмехнулся он.

Сестра странно на него покосилась, но он отмахнулся, не желая объяснять смысл каждого их диалога. Виктория цедила янтарный напиток и угрюмо ела привезённую еду. Суп остыл, но греть она его не стала. Илья массировал ей плечи, убеждая, что в существовании призраков нет ничего страшного. Вика не соглашалась, но и не спорила.

— Так ты не врал? – зачем-то спросила она. На её лице было столько сожаления, что Максим нехотя уменьшил количество яда, которое хотел вложить в свой ответ.

— Как видишь, – он криво усмехнулся. – Зачем мне было врать о таком?

— Привлечь внимание, – сказала Вика и тут же поджала губы, поняв, как мерзко это прозвучало.

— Да, отличный способ, – ошетинился Максим. – И внимание привлечь, и белый билет получить. Я был таким изобретательным в три года...

Виктория не дала брату разразиться раздражённой тирадой. Она ловко забралась на диван, пихнув мужа ногой, и крепко обняла Максима. Вложила в этот жест столько извинений, сколько никогда не смогла бы сказать вслух.

Ей было двенадцать, когда они всей семьёй оказались на кладбище, Максиму — три. Он без остановки лепетал, что видит мужчину, которого сейчас хоронят, и старика со старухой, стоящих поодаль. И так повторялось через два года, и через четыре. Потом он замолчал, родители выдохнули, а Вика перестала злиться на брата за «глупые выходки», которые, как ей тогда казалось, он устраивал, чтобы получить лишнее внимание.

И вот теперь она сидела рядом с Максимом — и призраком девушки, которую он привёл.

— Хорошо. Если Вика успокоилась, – Илья погладил жену по спине. – Давай ещё раз, Макс. Какая помощь вам нужна?

Глава 5.

Агата уже приготовилась рассказывать историю своей жизни, но Максим закрыл ей рот ладонью. Девушка недовольно, протестующе замычала, но от её болтовни толку всё равно не было.

Рассказ выдался короче, чем предполагал Максим, но в несколько раз длиннее ожиданий Ильи и Вики. Когда он закончил, наступила такая глухая тишина, что каждый без труда разбирал сердцебиение другого.

Агата притихла, насторожилась. Максим не вдавался в лишние подробности, оставляя возможность задать вопросы, если в них появится необходимость. Илья и Вика, казалось, пытались переварить услышанное — больше информации они сейчас просто не выдержали бы.

Единственное, что радовало Максима, — огромный камень, который наконец свалился с его плеч. Он сумел разделить тайну, гнетущую его всю жизнь, с сестрой и её мужем. Рассказал хоть кому-то, кроме бесчисленного количества призраков, которых успел повстречать.

Пытался ли Максим жить обычной жизнью? Разумеется. Получалось ли это у него? Не всегда. Призраки не мешали ему — больше нет, — всего лишь рассказывали то, о чём многие люди даже не догадывались.

— Что будет, если мы не успеем? — хрипло спросила Вика, допивая второй бокал. Язык у неё не заплетался, но алкоголь сумел расслабить нервы, сжатые в тугой комок.

Максим открыл рот, чтобы ответить, но так и не сумел выдать из себя ни слова. Он вдруг понял, что не знает ответа. Он не спросил у Агаты, что случится с ней, когда песчинки в невидимых часах закончатся. По её словам, все призраки рано или поздно исчезают: кто-то обретает покой, если заслуживает этого, кто-то — нет. Но что будет с ней?

Агата нарочно отвернулась, запустила пальцы в мягкую, отросшую после стрижки шерсть Джека. Спаниель крутился у дивана, на который ему не позволено было залезать, и клал морду на стол, уставленный неторопливо пустеющими контейнерами.

— Агата, — окликнул её Максим. Не требовательно — скорее сочувственно. Подобного девушка не оценила, криво усмехнулась.

— Да что? Какая разница? Это уже будет не вашей проблемой, — отмахнулась она, продолжая наглаживать морду пса.

Вика и Илья не вмешивались — для них это был односторонний диалог, будто они слушали разговор по телефону.

Максим закатил глаза и настойчиво перехватил руки Агаты, рывком развернул её к себе. Ему было плевать, как это выглядело со стороны. Если они борются за покой Агаты, то должны знать, что будет, если проиграют.

— Расскажи, — прошептал он.

Агата захлопала прозрачными глазами — в такие было тяжело смотреть. Но Максим смотрел. Он привык. Не видел в них ничего ужасного или потустороннего.

— Ничего не будет. Я просто начну забывать, — Агата пожала плечами, делая вид, что её это не беспокоит.

— Забывать? — переспросил Максим, надеясь, что понял неправильно и догадка не подтвердится.

Илья и Вика зачем-то тоже прислушались.

— Да, забывать. Свою жизнь. Пока не забуду день, когда умерла. Тогда моя душа обретёт покой, потому что ничего не будет держать её здесь. Потому что меня будто и не существовало, — ровным голосом объяснила Агата.

— Мне... — начал Максим, но Агата быстро перебила его, не желая выслушивать дежурные фразы. От них каждый раз сводило скулы — так же, как на очередных похоронах на её

кладбище. Всем и каждому было жаль. Только это «жаль» не исправит ситуацию, которую следовало принять как простую, неизменную истину.

— Если это произойдёт быстро, я не против, – усмехнулась она. – Уже нечего терять.

Максим замолчал, поджал губы. Ему нужно было пересказать всё Вике и Илье, но вместо этого он думал о сказанном Агатой.

Забывать.

Каково это — медленно забывать свою жизнь? Так же просто, как не помнить события детства? Или тяжелее? Что чувствуют такие призраки, когда не могут вспомнить имена родителей и друзей, а потом — и собственное имя? Что чувствует душа, когда из осмысленной, наполненной характером и сознанием она вновь превращается в пустое полотно, каким была при рождении?

Боль — или смирение?

Агата ткнула Максима в бок и кивнула в сторону ожидающих объяснений Вики и Ильи. Кажется, она уже успела свыкнуться с таким исходом — он её не пугал. Максим свыкаться не собирался, пусть это были и не его воспоминания.

Он выдохнул и быстро, вкрадчиво пересказал всё для остальных.

— Ясно, – только и сказал Илья. – Хреново. Ну, ты это... – он почесал затылок, пытаясь подобрать слова для Агаты. – Не унывай, мы поможем.

— Поможем, – вторила ему Вика, стирая со щеки слезу.

Агата широко улыбнулась, перегнулась через Максима и по очереди хлопнула Илью и Victорию по плечу. Это было вместо словесной благодарности, которую они всё равно бы не услышали. Вика вздрогнула, едва не сбив со стола бокал, Илья поёжился от окутавшего его холода.

— Н-да, очень жаль, что сейчас осень, – хмыкнул он. – Агата была бы вместо кондиционера.

— Думаешь, время для шуток? – Вика недоумённо посмотрела на мужа, потирая лицо. – Макс, – она обратилась к брату, вероятно, впервые говоря с ним как с равным. Не с ребёнком, а со взрослым. – Нам нужно всё. Имя, фамилия, дата рождения... – она перечисляла пункты, которые могли помочь отыскать старое дело и начать собственное расследование.

Максим кивнул и принялся перечислять всё, что узнал от Агаты. Что-то пришлось уточнять дополнительно. Девушка без труда отвечала на вопросы — она помнила абсолютно всё, что было связано с её смертью. Илья и Вика слушали внимательно, иногда перебрасывались короткими фразами, записывали моменты, которые могли пригодиться.

— Морева... – протянула Виктория, подливая в бокал ещё напитка. Лёгкий укор во взгляде мужа она ловко проигнорировала. Для крепкого алкоголя было рановато, но, учитывая обстоятельства, Вика держалась молодцом. Не истерила, успевала думать. – Чем занимался твой отец, Агата?

— Поставками оборудования на заводы, – ответила девушка, Максим привычно озвучил это для всех.

— Хорошо, – кивнула Вика, записывая что-то в телефоне. – Просто знакомая фамилия. Макс, скинь мне статью, которую ты нашёл. Агата, – Виктория уверенно надела привычную маску старшего следователя и мастерски раздавала задания. – Понимаю, я могу задавать неприятные вопросы. Всё усложняет то, что я не вижу тебя и не могу считать реакцию или эмоции. Заранее прошу не обижаться и отвечать честно. Это важно.

Агата хмыкнула и поклялась на собственной могиле вести себя хорошо и сотрудничать со следствием.

Следующий разговор был похож на общение через посредника или переводчика. Агата говорила много, Максиму приходилось временами прерывать её, чтобы без потери важной

информации передать всё сестре. Илья в беседу почти не вмешивался — позволял жене вести разговор, но слушал внимательно, чтобы при необходимости задать наводящий вопрос.

Виктория спрашивала о многом — о вещах, которые, казалось, никак не относились к делу и убийству. Как Агата росла, как жила её семья, какие были отношения у родителей.

Пока не дошли до смерти отца, Агата рассказывала с большой охотой, искренняя улыбка не сходила с её лица. В её жизни были разные периоды. Детство, оставшееся в памяти светлыми воспоминаниями, наполненными ароматами кипячёного молока и тёплого хлеба. Отец — инженер, мать — продавщица. Они любили Агату и друг друга. Школа и садик были рядом, в соседнем дворе.

Агата почти не сидела дома, играла во дворе с соседскими детьми, приходила вечером с разбитыми коленками и в испачканной одежде. Мать ругалась, отец лишь смеялся и брал её на руки — пока она не стала совсем большой.

Всё закончилось, когда Агате исполнилось восемь лет. Отца уволили, стабильность пропала, продукты оказались в дефиците, вокруг выстраивались огромные очереди. Мать срывалась всё чаще, ругала за малейшую провинность. Отца почти не было дома, а когда он приходил, то сидел на кухне с сигаретой и гранёным стаканом водки.

Агата всё равно любила эти годы, несмотря ни на что. Тогда отец всё ещё был в её жизни, всё ещё поддерживал её. Только к нему она могла прийти с заплаканными глазами — рассказать о мальчишках, задиравших её, или о красивой юбке у одноклассницы, которую она тоже хотела бы.

Отец обещал, что заработает много денег и купит дочери всё, что она захочет. Агата верила — и он не обманул.

Деньги вернулись в семью через полгода. Он говорил, что наконец помогли связи, которые он накапливал всю жизнь. Агата не знала точно — никогда не спрашивала, — но всё сводилось к поставкам оборудования и деталей на заводы. Отец часто был в разъездах: иногда возил сам, иногда ездил договариваться. Это то, что он рассказывал своей семье.

Денег стало больше, продукты на столе — разнообразнее. Одним из последних подарков отца был магнитофон, который всё ещё оставался с Агатой после её смерти.

Отец умер в дороге от сердечного приступа — именно так сообщили Агате и её матери люди, с которыми он работал. Хорошая жизнь закончилась, денег вновь стало меньше, оказалось, что отец не так много накопил. Агата работала после школы: иногда подменяла продавщицу в магазине в соседнем доме, иногда помогала в библиотеке. Их поддерживал старый друг отца с первой работы. Деньгами, по дому — ремонтировал мебель, оставшуюся технику.

Агате он не нравился, но она принимала его: видела, что мать счастлива, закрывала глаза на скорбь по отцу, на невозможность принять другого мужчину в доме. В какой-то мере она была благодарна ему за помощь матери, которая совсем потеряла себя после смерти мужа.

В семнадцать Агата поступила на первый курс и уехала в областной центр, приезжала на праздники и каждый раз замечала, что всё сильнее отдаляется от матери. Больше ссор, меньше улыбок. Её не ждали дома, она не хотела ездить, но общежитие университета пустело, и она наступала на гордость. Каждый раз убеждаясь, что не стоило. А потом... умерла. Её история закончилась, затерявшись среди сотен тысяч чужих историй, которые не оборвались так рано. Никто из друзей не приехал на похороны, а может, Агата не разглядела их за пеленой слёз, застилающих глаза, не услышала их прощальные слова за собственными криками ненависти к миру и судьбе.

Агата замолчала, уставилась перед собой, вновь проживая всю свою жизнь, чья короткая полоса становилась всё чернее с каждым днём. Она вздрогнула, когда ощутила тепло человеческого тела. Максим придвинулся к ней, положил руку поверх её ладони, сжал, как бы говоря, что понимает и поможет.

— Не грусти, малыш. Твоей мордашке это не идёт. И брови не хмурь, морщины не красят, — усмехнулась Агата.

Максим тут же закатил глаза, но руку не убрал.

— Да уж, — протянул Илья. — Времена тогда были непростые. Я младше тебя, Агата, но всё равно понимаю. — Он говорил искренне, девушку это тронуло: кто-то ещё способен разделить её тяготы. Пусть этот кто-то её и не видел.

Илья встал, потянулся, быстро погладил Джека, который уже крутился у его ног, и достал телефон.

— Ты куда? — окликнула его Вика, когда он вышел из комнаты.

— Позвоню. Пора вспоминать тех, кто у меня в долгу. А таких, к счастью, много, — Илья недобро улыбнулся.

Связи — первое, что начинают наращивать в его работе. Когда можно попросить, и папку со старым делом незаметно передадут для личного ознакомления. Или помогут вызвать человека на допрос без лишних бумаг и шума.

Весёлый голос Ильи оказался приглушён запертой дверью. Вика листала статью, которую ей отправил Максим. Текста было немного, но Виктория изучала его долго, внимательно рассматривала фото, перечитывала показания свидетеля.

— Как всё просто. Девушка умерла — и оказалась виновата. Восхитительно, — Вика зло выплюнула эти слова.

— А авария перестала быть скучной? — фыркнула Агата. Максим не без удовольствия повторил её вопрос.

— Макс, юмор для подружек побереги. Потом расскажешь им, какой ты герой, — приструнила его Виктория.

— У тебя подружки есть? — перескочила на другую тему Агата. — А как же я? Наша связь?

— Нет у меня подружек. Что ты несёшь? — шикнул на неё Максим.

— Позитив и радость, малыш. Я несу позитив и радость, а ещё разнообразие в вашу скучную жизнь. Смотри, как твоя сестрёнка засуежилась. А Илюша вообще — на телефоне висит, старается, — не без благодарности, которая почти терялась в ехидном тоне, сказала Агата.

— Пойдем прогуляемся, иначе ещё одно слово — и я застрелюсь из пистолета Илюши, — скривился Максим. — Вик, мы возьмём Джека погулять.

Виктория кивнула скорее машинально, услышав среди множества слов брата своё имя. Она уже погрузилась в расследование и скрупулезно искала в контактах номер своего однокурсника, который работал в соседней области.

Максим быстро надел на Джека ошейник, не без труда отыскал поводок среди завалов вещей и вместе с Агатой вышел из квартиры. Она слёзно умоляла его дать поводить пса на поводке, чтобы нанести непоправимую травму всем, кого они встретят на улице, но Максим не поддался и отказал ей.

Долго дуться Агата не смогла, хотя очень пыталась. Она вылетела из подъезда словно ураган, едва не сбив пожилую соседку Вики и Ильи на лестничной клетке. Старушка заохала — больше для виду, нежели от реального приступа, — схватилась за сердце. Но когда Максим придержал для неё дверь, расцвела в улыбке и назвала его внучком.

Он вежливо улыбнулся в ответ и поспешил за Агатой, которая бродила между детьми на детской площадке, желая покататься на качелях. Одному мальчику она умудрилась поставить подножку. Неустойчивые дети попадали, подобно костям домино. Максим свистом привлёк её внимание и качнул головой в сторону. Агата скорчила недовольную рожицу, но тут же оказалась рядом.

— Пойдём, дальше есть ещё площадка, там меньше людей, — сказал он, вставляя для маскировки наушник в одно ухо.

Губы девушки вмиг растянулись в улыбке, и она, схватив Максима под руку, потащила его за собой. Они прошли мимо магазина и зелёной лужайки, которую с большим интересом и вниманием обнюхал Джек, перешли небольшую дворовую дорогу. Шаг замедлился — Агата с интересом рассматривала всё вокруг. Для неё многое было привычно, но любые новшества она впитывала с большим удовольствием.

Мимо проходили подростки, закончившие учиться. Угрюмые, утомлённые необходимостью вставать рано в субботу и ехать в школу. Максим не сдержался и легко хохотнул, когда Агата тронула засыпающего на ходу мальчика за нос. Тот вздрогнул, поёжился и натянул ворот куртки повыше.

Дом Вики и Ильи скрылся за другими высотками. Максим, Агата и Джек пошли вдоль школы, покрашенной в бело-синие цвета. Железный забор тянулся по периметру, сквозь него можно было разглядеть играющих на небольшом стадионе детей. Агата засмотрелась: у её школы тоже была площадка рядом, но не такая большая, да и само здание было на много десятилетий старше.

Детский шум и суета остались позади. Максим свернул за крайний дом — перед ними оказался пока ещё не отданный под застройку пустырь. Щёлкнул карабин, он отстегнул Джека. Пёс тут же скрылся в кустах и высокой сухой траве.

— Малыш, — позвала Максима Агата, когда они пересекли поле по вытоптанной тропинке. — О чём задумался?

— О том, что тебе стоит прекратить называть меня малышом, — фыркнул Максим и на автомате протянул ей руку, помогая перешагнуть через широкую лужу.

Отказывать ему Агата не стала, обхватила тёплые пальцы и ловко перескочила через незначительную преграду.

— Но ты же малыш, — делано нахмурилась она. — В чём я не права?

— Мне перечислить? — изогнул бровь Максим и жестом показал, куда идти дальше.

— Недовольство оставь при себе, — отмахнулась Агата.

В недолгой тишине они дошли до обещанной детской площадки. Она выглядела намного старше той, на которую претендовала Агата. Такие были в её детстве и юности. Дома вокруг — такими же: серыми, совершенно не похожими на ту яркость, что осталась по другую сторону пустыря.

Протяжно скрипнули качели. Агата толкнулась ногами от земли и довольно улыбнулась. Максим сел на скамейку напротив и принялся терпеливо ждать, когда мёртвая девушка заново проживёт оставшиеся в далёком прошлом моменты.

— Мне нравится здесь, — Агата перекрикивала поднявшийся ветер. Она раскачивалась всё сильнее, и для любого прохожего эта сцена покадрово повторяла бы типичный эпизод из фильма ужасов, где предметы двигаются сами собой. Но в этом месте они были одни. Позади — очередной пустырь, справа — спуск к шумной дороге. — Ты же хочешь спросить, малыш. Спасибо, что позволил сохранить хотя бы какую-то тайну от твоей цепкой сестры. А вот её муж мне больше понравился. Красавчик.

— Все так говорят, ты не первая, — усмехнулся Максим. — Мою сестру мало кто любит, — он несдержанно фыркнул. — Почему ты была на улице в ту ночь, Агата?

Улыбка в одно мгновение исчезла с её лица. Оно застыло, потеряло эмоции. Фотография на её памятнике сейчас была живее неё. Агата затормозила качели, упёрлась ногами в землю, наклонилась вперёд.

— Не думаю, что это важно, — она подпёрла щеку рукой, закинула ногу на ногу. — У тебя хорошая семья?

Максим не успел ответить, Агата продолжила:

— Кажется, что да. Мама забыла поздравить меня с днём рождения. С последним днём рождения, — она покачала головой, бесцветные волосы закрыли лицо, спрятали эмоции от

чужих глаз. – Это так глупо. Я поступила глупо, наверное. Я приехала домой через неделю, когда она позвонила мне. Думала — что-то важное, что она вспомнила обо мне.

Агата продолжала легко раскачиваться на качелях, скрип разносился по району.

— А она... она просто сказала, что у них с Костей будет ребёнок. И что после выпуска я должна вернуться домой, чтобы помогать ей. Мы поссорились. Снова глупость. Я не хотела возвращаться. Мне не было места в родном доме. У меня даже кровати своей больше не было. Не было ничего.

Она выдохнула.

— Я убежала, схватила только магнитофон.

В её руке появился проигрыватель. Она бережно провела по нему пальцами — заиграла негромкая музыка.

— Могу включить любую песню, которую захочу. С чем умерла, с тем и осталась.

— Это важно, Агата, если ты так думаешь, – сказал Максим. – Если тебя что-то беспокоит, можешь рассказать мне.

— Меня уже давно ничего не волнует, кроме того, что я умерла, – она пожала плечами. – Но спасибо, малыш. Ты хороший. Не повезло же тебе нас видеть — жил бы спокойно.

— А ты так бы и сидела на кладбище, – ответил Максим. – Я готов потерпеть мертвецов, чтобы помочь тебе.

Агата склонила голову набок и без тени усмешки или иронии посмотрела на Максима. Станный мальчик, говорящий с мёртвыми. Она никогда не слышала о таких, как он, хотя видела призраков, проживших на кладбище в несколько раз дольше неё.

Ей повезло, что они встретились. Впервые за свою короткую жизнь и долгую смерть Агата вытасила счастливый билет.

— Когда всё получится, я замолвлю за тебя словечко на той стороне, – сказала Агата. – Чтобы тебе дали больше лет. Потому что ты этого заслуживаешь.

— Такого мне ещё ни одна девушка не обещала, – не сдержался Максим и подозвал Джека свистом. Пёс тут же выскочил из кустов и прижался к его ноге.

— Разумеется, я такая одна, – Агата гордо вздёрнула подбородок. – Погуляем ещё?

Максим согласно кивнул.

Они гуляли до заката. Обошли весь район, дошли до торгового центра, мимо которого раньше проезжали. Иногда молчали, но большую часть времени говорили. Ни о чём — как обычные люди. Несколько раз на Максима пялились прохожие, но он не обращал на них внимания.

Агата была пусть и гиперактивной, но очень интересной собеседницей. Она много знала, о многом рассказывала сама. О периоде, который Максим так ненавидел, пока готовился к сдаче экзаменов по истории. Будь Агата рядом, он набрал бы больше баллов — хотя и тех хватило, чтобы поступить на бюджет.

Джек устал спустя два часа бессмысленных брожений между домами, когда они спустились в овраг, обустроенный под небольшой парк. Склоны были укреплены, деревянные и каменные дорожки пронизывали их, словно сосуды в теле.

Они сели на свободную скамейку. Джек устроился на траве неподалёку и вывалил розовый язык. Мимо проходили семейные пары с колясками, проезжали велосипедисты, хозяева прогуливались со своими собаками. Джек подходил ко всем — быстро, но очень приветливо виляя коротким хвостом.

Агата разлеглась на скамейке, вытянула ноги, голову положила на колени Максима. Сопротивления от него не последовало. Она довольно улыбнулась и, немного поерзав, устроилась поудобнее.

Бесцветные глаза с жадностью и тихим восторгом рассматривали густые облака. Те постепенно меняли цвет — с бледного-жёлтого на тёмно-розовый.

— На кладбище небо всегда закрывал лес, — сказала Агата, когда солнце ушло за горизонт. Сразу же похолодало. Девушка этого не почувствовала, Максим зябко поёжился.

— Наслаждайся. С балкона Вики и Ильи видны красивые закаты. А из их комнаты — рассветы. Посмотришь, — ответил Максим.

— Мы останемся у них? — спросила Агата, возвращаясь в сидячее положение.

— Если ты не против. — Максим встал и отряхнул штаны, будто сидел не на относительно чистых досках, а на голой земле.

— Наоборот, — она улыбнулась. — Они знают про меня. Так веселее. Чувствую себя своей. Максим повторил её улыбку, взял Джека на поводок, и они пошли обратно.

— У вас день фастфуда? — поинтересовался у сестры Максим, когда в подъезде они столкнулись с курьером.

— Не спрашивай, — Вика закатила глаза, забирая три коробки пиццы.

Пропищал терминал, оповещая о прошедшей оплате. Молодой человек в куртке с логотипом пиццерии пожелал хорошего вечера и ушёл.

— Илья смотрел слишком много фильмов и сериалов про призраков. Без обид, Агата.

— Он купил доску Уиджа? — Максим бы не удивился, если бы его предположение оказалось верным.

— Нет, — махнула свободной рукой Вика, уходя в зал. — Он купил «Монополию».

Максим и Агата переглянулись, молча гадая: пошутила Виктория или сказала правду?

Они быстро оказались в проходе в главную комнату квартиры. Со стола всё было убрано, по центру лежала коробка с настольной игрой, рядом Вика поставила пиццу. Илья сидел на диване с бутылкой пива — той самой марки, известной по серии фильмов «Форсаж», — и читал правила.

— Я объясню тебе, — шепнул Максим Агате, приглашая сесть на другой от Ильи конец дивана.

— Знаю эту игру. Не напрягайся, — кивнула Агата и подтащила к себе коробку, чтобы выложить игровое поле.

— Знаешь? — кашлянул Максим, заметив, как Илья на миг напрягся из-за коробки, двигающейся сама по себе.

— Ну да, в общежитии играли. Было весело, я часто выигрывала, — подтвердила Агата.

— «Монополия» была уже тогда? — от удивления он даже сел ровнее.

— Если ты говоришь с Агатой, — влез в разговор Илья, откладывая правила, — «Монополия» старше, чем ты думаешь. И мы не жили во времена динозавров, Макс.

— Вот именно, — довольно кивнула Агата и потянулась к Илье, чтобы дать ему «пять». Но мужчина жеста не увидел, и она опустила руку, принимая поражение.

— Ну давайте, — фыркнул Максим. — Образуйте союз детей девяностых против меня.

— Сейчас Вика вернётся — и обязательно, — с довольной улыбкой кивнул Илья. — Агата, отбей!

Он протянул ей кулачок, и Агата с большим удовольствием стукнула по нему своим. Максим понял, что потерял единственного союзника, с которым мог бы объединиться против сестры и её мужа. Теперь придётся отбиваться самостоятельно.

Агата умиротворённо раскладывала игровое поле, карточки улиц и купюры разного номинала по отдельным стопкам. В последний день перед отъездом домой они играли с друзьями. Тогда поле было не таким ярким, карточки успели протереться по краям, а деньги были склеены скотчем. Но она часто вспоминала те счастливые часы.

Сейчас Агата чувствовала себя живой — потому что с её мнением считались, её шутки понимали. Ей казалось странным и необъяснимым, что Илья и Вика отреагировали с таким пониманием, но она жадно принимала всё, что ей давалось сейчас.

Виктория притащила с кухни тарелки, стаканы и каждому по охлаждённой бутылке пива. Агате, по просьбе Максима, достался яблочный сок.

Они распределили игровые фишки. После недолгой борьбы Агата забрала себе фигурку собаки, Максиму досталась шляпа, Вике — кошка, а Илье — корабль. Началась игра.

Это были часы смеха, громких споров и недовольного бубнежа Вики. Илья не щадил никого: безжалостно скупал улицы, строил на них дома, а затем отели. Максим обанкротился первым, всё его имущество перешло довольной Агате, которая не отставала от Ильи.

Несколько раз её пытались обвинить в жульничестве и использовании сверхъестественной силы, но она слёзно клялась, что и думать не смела о подобном. Максим не поверил ей ни на йоту, но от Агаты отстали.

В итоге они остались с один на один. Вика громко ворчала, что муж никогда ей не поддается, хотя мог бы. Даже когда они играли с компанией друзей в покер на небольшие деньги, он раздел её практически до трусов. Тогда она почти заполнила онлайн-заявление на развод, но любимый торт, бутылка шампанского и букет цветов от Ильи спасли их семью.

Безжалостная дуэль продолжалась долго. Агата гневно пыхла и от негодования хлопала Максима по коленке. Он перестал следить за игрой, когда вылетела Вика, и помогал только тогда, когда Агата хотела что-то сказать. В большинстве случаев это была многоуровневая ругань и проклятия, которые он отказывался озвучивать.

Максим негромко разговаривал с сестрой и решал кейс по уголовному праву, заданный ещё в понедельник. На четвертом курсе пар было немного, да и в целом плотным расписанием учёба в его университете не отличалась. Но задания часто давали сложные, требующие детального изучения материала и знаний, накопленных за все годы обучения.

Максим перечитывал условие, хмурился, отмахивался от Агаты.

— Токсикологическую экспертизу не провели, — подсказала Вика, на несколько мгновений заглянув в экран ноутбука. — Соберись, Максик, это детская задачка. Тебе ещё искать убийцу в реальной жизни.

— Без тебя разберусь, — ошетинился он, но после подсказки сестры стало заметно проще.

К отсутствию экспертизы добавилось то, что не проверили обстоятельства назначения погибшей лекарственных препаратов, а также не было никакой информации о конфликтах погибшей с сожителем.

Он печатал быстро, научившись за годы учёбы не смотреть на клавиатуру. Пальцы двигались самостоятельно, находили нужные буквы, а он лишь успевал записывать выстроившуюся в голове логическую цепочку.

Когда Максим закончил и закрыл ноутбук, Агата и Илья всё ещё играли. Девушка агрессивно размахивала давно остывшим куском пиццы, едва не попав локтем Максиму в челюсть. В итоге она сдалась — Илья загнал её в угол. Ей не победить, но можно уйти с честью и принять условную ничью.

Илья не слышал её бубнёж, но всё равно довольно улыбнулся, когда протянул ей руку. Агата пожала её в ответ. Давно она не соприкасалась с людьми так часто: проходящие на кладбище шарахались от каждого треска ветки и ощутимо холодного ветра. В первое время она специально задевала каждого проходящего мимо её могилы человека, потом перестала. Возвращалась к подобным шуткам, когда становилось совсем тоскливо.

Они убрали со стола, сложили недоеденную пищу в контейнер, весь мусор собрали в пакеты. Вика принесла постельное бельё, решив не интересоваться, спят ли призраки и, если спят, то насколько комфортно им будет вдвоём на небольшом диване. Потрясений за сегодня было достаточно — не осталось сил беспокоиться за младшего брата.

Она пожелала всем спокойной ночи и проскользнула в ванную после Ильи. Максим прикрыл дверь и приглушил свет. Агата ловко заправляла постель и хихикала над одним одеялом. Укрываться она не собиралась, но сейчас это желание неожиданно вернулось.

— Хочешь переодеться? – спросил Максим, когда Агата закончила разглаживать наволочки на подушках.

— Двадцать лет ходила в одном и том же, – отмахнулась она. – Ещё столько похожу. Или ты хочешь украсть у Вики вещи для меня? Такой романтик.

Агата согнула пальцы так, что получилось сердечко. Максим закатил глаза. Последние два дня это движение стало таким частым, что он всерьёз запереживал о здоровье своих глаз и зрении.

— Я просто стараюсь быть вежливым, невыносимая девчонка, – бросил Максим.

— Эй, сам ты девчонка. Я тебе в матери гожусь! – крикнула Агата, но Максим уже скрылся за дверью и заперся в ванной.

Агата легко ходила сквозь стены — замок её не остановил бы, но Максим взмолился Богу, чтобы тот защитил его и позволил помыться в одиночестве. И Бог услышал, откликнулся на зов... или Максиму просто повезло.

Он вернулся в комнату и застал Агату за изучением своего домашнего задания. Она внимательно читала текст, кусая внутреннюю сторону щеки.

— Ты умный. Моего убийцу так же быстро вычислишь? Чего же мы ждём? – серьёзно спросила Агата, закрывая ноутбук.

— Не ёрничай, – Максим принял из её рук технику и положил её на стол. Забрался под одеяло — голые ноги тут же кольнуло холодом, исходящим от девушки. — Ты знаешь, что всё не так просто.

— Знаю, – легко согласилась Агата. – Просто вредничаю, возраст, знаешь ли.

— Да-да, я понял, – он повернулся к ней и улыбнулся.

Агата недовольно поморщилась и отодвинулась. Холод ушёл вместе с ней, Максим непонимающе нахмурился.

— От тебя пахнет алкоголем. Не люблю этот запах, – объяснила Агата.

— Расскажешь? – попросил Максим, отворачиваясь от неё.

— Нечего рассказывать. Отец много пил, особенно после распада СССР. Говорил, что успокаивает нервы после работы. Конечно... – зло процедила Агата. – Нам с мамой сказали, что его организм не выдержал. И теперь каждый раз я думаю, что он мог быть жив, если бы не лишняя рюмка. Поэтому, – она слабо улыбнулась, – думай о себе. Иначе на той стороне мы встретимся раньше положенного.

Максим кивнул, вышел из комнаты, а когда вернулся, от него так сильно пахло мятой, что у Агаты заслезились глаза. От шуток она легко удержалась, про себя отметив, что Максим намного лучше тех парней, с которыми она училась. Возможно, дело в разнице поколений или воспитании — или Максим в любое время оставался таким же.

— Я знаю, чем мы займёмся, пока ждем информацию, – сказал он, когда вновь залез под одеяло.

— Удиви, – любопытство блеснуло в бесцветных глазах.

— Проверим, что в интернете правда про призраков, а что — нет.

Глава 6.

Вике и Илье пообещали найти старое дело как можно быстрее, но, по словам старшего следователя, поиски могли затянуться на несколько недель. Им не нужна была известная информация о дате и месте смерти — важными сейчас были имена тех, кто так или иначе причастен к убийству: свидетель, водитель, врач, передавший следствию ложные показания о наличии алкоголя в крови, и сотрудник МВД, занимавшийся этим делом.

Максим стоял в охваченной паром ванной и смотрел на свое отражение — через полтора часа ему надо было быть на парах. Эту новость Агата восприняла с большой радостью. Она не против была сидеть в загородном доме, играть с Бонни и Тишей и прогуливаться по лесу, когда у Максима было настроение (все лучше, чем однотипное кладбище, где любое обновление неминуемо связано с чьей-то смертью), но выезжать в город и смотреть на изменившийся мир ей нравилось больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.